

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ І V

1881

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1881

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ЯНВАРЬ, 1881.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ Сороковыхъ и Пятидесятихъ годовъ.

(Появленіе въ печати сочиненій Гоголя).

ВОПРОСЪ объ отношеніи литературы къ обществу рѣшаемъ былъ различно и въ литературномъ мірѣ и въ обществѣ— и писателями, и представителями общественной жизни. Одни изъ писателей видѣли въ печатномъ словѣ руководящую силу, которой, волею или неволею, подчиняются читающія массы. Другіе относились къ этой силѣ скептически, сводили ея вліяніе къ самымъ ничтожнымъ размѣрамъ, и даже вовсе отрицали его, укоряя литературу въ томъ, что она не только не идетъ во главѣ общественнаго движенія, но едва успѣваетъ тащиться по его слѣдамъ. Въ до время, когда другіе дѣло дѣлаютъ, литераторы стоятъ сложа руки, а если и берутся за перо, то владѣютъ имъ безъ пользы и безъ цѣли. Именно въ такомъ духѣ выражается одинъ изъ героев повѣсти, принадлежащей къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ нашей литературы сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Онъ говоритъ: „У барина была коляска претяжелая. Пока перевозчики надсаживались, встаскивая коляску на берегъ, баринъ такъ кряхтѣлъ, стоя на паромѣ, что даже жалко его становилось. Такъ и нынѣшняя литература: другіе везутъ, дѣло дѣлаютъ, а она кряхтитъ“.

Какъ ни печально подобное положеніе литературы, какъ ни жалва ея роль, но если бы такой взглядъ былъ общепринятымъ, если бы всѣ, власть имѣющіе, убѣждены были въ безсиліи печатнаго слова, то и литераторамъ жилось бы спокойнѣе, и литература освободилась бы отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, отъ всякаго надзора и опеки. Но на дѣлѣ видимъ иное. Въ „кряхтѣннѣ“ литературы иные находили весьма разумную цѣль; другимъ же слышалось въ немъ что-то зловѣщее, требующее самаго рѣшительнаго противодѣйствія. И такъ было не только въ сороковыхъ годахъ, но и гораздо позже, и несравненно раньше, втеченіе долгаго, почти двухъ-вѣковаго пері-

ода, представляющаго не мало варіацій на одну и ту же тему. Представители общественной и государственной жизни обнаруживали тотъ взглядъ, что литература есть сила, которую нельзя оставлять безъ вниманія и съ которою надо считаться. Начало и конецъ восемнадцатаго столѣтія даютъ намъ чрезвычайно яркія, хотя и совершенно противоположныя доказательства этого взгляда.

Въ началѣ прошлаго столѣтія гениальный представитель государственной и умственной жизни русскаго народа, Петръ Великій, сознавая силу печатнаго слова, обращался къ писателямъ для поддержки задуманныхъ имъ преобразованій, для разъясненія обществу и народу правительственныхъ цѣлей и стремленій. Петръ Великій до того цѣнилъ и уважалъ правдивый голосъ зараждавшейся у насъ литературы, что прощалъ писателямъ смѣлость ихъ обличительной рѣчи, направленной порою противъ той или другой стороны въ дѣйствіяхъ и свойствахъ самаго государя. Рѣзкую противоположность составляютъ мѣры, принятыя въ отношеніи печатнаго слова въ концѣ прошлаго столѣтія, въ царствованіе Павла I. Но самое то обстоятельство, что мѣрамъ этимъ придавали особенное значеніе, что разсмотрѣніемъ книгъ, журнальныхъ статей и брошюръ, занимались, по приказанію Павла I, высшіе сановники государства, показываетъ, какую важность имѣли тогда литературныя произведенія по понятіямъ, господствовавшимъ въ правительственныхъ сферахъ. Однимъ изъ главныхъ занятій учрежденія равносильнаго государственному совѣту или комитету министровъ было, во времена Павла I, разсматриваніе книгъ, доставляемыхъ изъ цензурныхъ комитетовъ съ болѣе или менѣе подробными донесеніями.

Въ первые годы девятнадцатаго столѣтія повѣяло свѣжимъ, весеннимъ воздухомъ и въ литературѣ и въ жизни. Литературѣ возвращены отнятыя у нея права; выражено полное сочувствіе ея благородному призванію—просвѣщать общество, возвышая его умственный и нравственный уровень. По понятіямъ лучшихъ людей того времени, литература должна идти рука объ руку съ закономъ, и области ихъ должны быть размежеваны такимъ образомъ, чтобы на долю закона осталась борьба съ преступленіями, а на долю литературы—борьба съ невѣжествомъ и предрасудками.

Иныя времена настали впослѣдствіи. Они принесли съ собою и другіе взгляды и другой образъ дѣйствій. Литературная дѣятельность подпала усиленному надзору, и какъ въ старыя годы каждый печатный стихъ казался святымъ, такъ теперь стали смотрѣть на печатное слово какъ на что-то грѣшное, заключающее въ себѣ потаенный ядъ, особенно вредный для низшихъ слоевъ общества. Единственное спасеніе видѣли въ цензурѣ, вооружая ее всѣми средствами для противодѣйствія печатному злу.

Вслѣдствіе такой постановки вопроса, исторія цензуры является весьма существеннымъ и необходимымъ подспорьемъ для исторіи ли-

тературы. Значеніе цензурной дѣятельности слишкомъ мало оцѣнено въ этомъ отношеніи. Обыкновенно ограничиваются отрывочными извѣстіями о вещахъ курьезныхъ и забавныхъ, о подвигахъ корифеевъ цензурнаго хора, доказывающихъ, говоря словами поэта, что „геніи и въ тупоуміи есть“. Но не въ этой исключительности и эксцентричности заключается историческій интересъ цензурныхъ мѣропріятій и приговоровъ. Стяжавшіе печальную извѣстность „геніи тупоумія“ выражали болѣе ярко и наивно то, что ихъ сподвижники и вдохновители, болѣе смѣтливые и ловкіе, запутывали до такой степени, что трудно добраться до настоящаго смысла различныхъ хитросплетеній и фразъ. Суть дѣла заключается въ томъ, что благодаря придирчивости цензуры уцѣлѣло много чертъ, которыя исчезли бы безслѣдно, и которыми дорожить исторія литературы потому, что въ нихъ отражается впечатлѣніе, производимое литературными трудами на читающее общество.

И въ самомъ дѣлѣ, много ли у насъ источниковъ, по которымъ можно было бы прослѣдить подобныя впечатлѣнія? Статьи критическія? Но велико ли ихъ число, и всѣ ли они равнаго достоинства? Многія ли изъ нихъ служатъ дѣйствительнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, а не взглядовъ кружка, болѣе или менѣе замкнутаго? По вопросамъ литературнымъ изрѣдка слышались и голоса людей, вовсе непричастныхъ литературѣ, и смотрѣвшихъ на нее съ точки зрѣнія общественныхъ и государственныхъ интересовъ. Какимъ бы диссонансомъ ни казался въ литературномъ кругу голосъ этихъ неприванныхъ цѣнителей и судей, во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ своего рода значеніе для характеристики тѣхъ понятій, изображенія которыхъ критика съ такою зоркостью ищетъ въ литературныхъ произведеніяхъ.

Въ цензурныхъ приговорахъ и соображеніяхъ, на которыхъ они основаны, отражаются болѣе или менѣе ярко понятія и взгляды, господствовавшіе въ ту или другую пору въ различныхъ слояхъ нашего общества. Многіе изъ этихъ приговоровъ построены на началахъ, имѣвшихъ большой вѣсъ въ бюрократическомъ мірѣ, въ кругу тѣхъ маленькихъ великихъ людей, на долю которыхъ выпадаютъ иногда довольно видныя роли въ общественной жизни. Люди эти считаютъ себя посвященными въ самую суть внутренней и внѣшней политики, и подъ ихъ подавляющимъ вліяніемъ складывается то, что служить рутинною мѣркою служебныхъ способностей и благонамѣренности. Но среди писаній, заплатившихъ обильную дань рутинѣ и страху передъ живою мыслью и независимымъ словомъ, встрѣчаются отрадныя и знаменательныя исключенія. Съ одной стороны, люди науки и писатели, призываемые отъ времени до времени къ участию въ цензурной дѣятельности, рѣшались, съ большею или меньшею смѣлостью, отстаивать право и свободу научнаго изслѣдованія и художественнаго творчества. Съ другой стороны, и въ обществѣ, даже въ тѣхъ его

кругахъ, откуда выбирались не только участники, но и руководители цензурнаго дѣла, выражаемо было сочувствіе къ умственному движенію, и слышался ропотъ на стѣснительныя мѣры противъ печатнаго слова. Отголосокъ этого сочувствія и оправданія этого ропота можно встрѣтить въ заявленіяхъ лицъ, дѣйствовавшихъ на общественномъ поприщѣ, и считавшихъ своимъ нравственнымъ долгомъ не скрывать истины и высказывать ее съ большею или меньшею прямою и настойчивостью.

Существеннымъ и въ высшей степени важнымъ источникомъ для изученія умственной и общественной жизни той или другой эпохи служатъ художественныя произведенія писателей. Не одно только содержаніе этихъ произведеній, но и самая судьба ихъ знакомитъ, въ большей или меньшей степени, съ состояніемъ и движеніемъ умственной и общественной жизни. Если бы подробно и критически разсмотрѣть всѣ обстоятельства и условія, при которыхъ замѣчательнѣйшія произведенія нашихъ писателей превращались изъ рукописныхъ въ печатныя, то навѣрно прибавилось бы не мало любопытныхъ и цѣнныхъ данныхъ для исторіи нашей литературы и образованности.

Особенно сильное впечатлѣніе на читающее общество производили сочиненія Гоголя. Ихъ живая связь съ дѣйствительностью бросалась въ глаза и давала поводъ къ самымъ разнообразнымъ толкамъ и сужденіямъ, къ самымъ восторженнымъ похваламъ и до крайности рѣзкимъ порицаніямъ.

1842 годъ ознаменованъ въ нашей литературѣ появленіемъ сочиненій Гоголя. Въ началѣ этого года изданы Мертвыя души; въ концѣ—полное собраніе сочиненій.

Когда Мертвыя души представлены были въ цензуру, цензурный комитетъ призналъ „содержаніе романа позволительнымъ“; разрѣшилъ напечатать даже „сомнительныя“ мѣста; но потребовалъ, чтобы заглавіе было измѣнено такимъ образомъ: Похожденія Чичикова или мертвыя души, и чтобы разсказъ о капитанѣ Копейкинѣ былъ вовсе выпущенъ изъ романа.

Къ числу мѣстъ „сомнительныхъ“ отнесены слѣдующія:

1) Впрочемъ хотя эти деревца (въ саду губернскаго города) были не выше тростника, о нихъ было сказано въ газетахъ при описаніи иллюминаціи, что городъ нашъ украсился благодаря попеченію гражданскаго правителя садомъ, состоящимъ изъ тѣнистыхъ и широколиственныхъ деревьевъ, дающихъ прокладу въ знойный день и что при этомъ было очень умиительно глядѣть, какъ сердце гражданъ трепетало въ избыткѣ благодарности и струили потоки слезъ въ знакъ признательности къ г. градоначальнику.

2) Чичиковъ былъ съ почтеніемъ у губернатора, который, какъ оказалось, подобно Чичикову былъ ни толстъ, ни тонокъ собой, имѣлъ на шеѣ Анну и поговаривали даже, что былъ представленъ къ звѣздѣ; впрочемъ былъ большой добрякъ и даже самъ вышивалъ иногда по тюлю.

3) Чичиковъ намекнулъ губернатору какъ-то вскользь, что въ его губернію въѣзжаешь какъ въ рай, дороги вездѣ бархатныя и что тѣ правительства, которыя назначаютъ мудрыхъ сановниковъ, достойны большой похвалы.

4) Какъ хорошо, говорилъ Чичиковъ, губернаторъ вышиваетъ разные домашніе узоры. Онъ мнѣ показывалъ своей работы кошелечъ: рѣдкая дама можетъ такъ искусно вышить.

5) „Въ нашемъ полку былъ поручикъ, который не выпускалъ изъ рта трубки, не только за столомъ, но даже съ позволенія сказать, во всѣхъ прочихъ мѣстахъ“,—слова одного изъ дѣйствующихъ лицъ.

6) „Они вмѣстѣ съ Чичиковымъ пріѣхали въ какое-то общество въ хорошихъ каретахъ, гдѣ обворожаютъ всѣхъ пріятностію обращенія и что будто бы Государь, узнавши о таковой ихъ дружбѣ, пожаловалъ ихъ генералами“,—слова одного изъ дѣйствующихъ лицъ.

7) „По существующимъ положеніямъ этого государства (Россіи), въ славѣ которому нѣтъ равнаго, ревизскія души, окончивши жизненное поприще, числятся однако же до подачи новой ревизской сказки на равнѣ съ живыми, чтобъ такимъ образомъ не обременить присутственныя мѣста множествомъ мелочныхъ и бесполезныхъ справокъ и неувеличить сложность и безъ того уже сложнаго государственнаго механизма“,—слова Чичикова. Комитетъ дозволилъ это мѣсто къ напечатанію не иначе однакожъ какъ съ прибавленіемъ къ словамъ: на равнѣ съ живыми—фразы: хотя въ замѣнѣ того и вновь родившіеся не вносятся въ подушные списки.

8) Чичиковъ говоритъ объ одномъ необразованномъ помѣщикѣ: да вѣдь теперь у тебя подъ властію мужики; ты съ ними въ ладу и конечно ихъ не обидишь, потому что они твои, тебѣ же будетъ хуже, а тогда бы были у тебя чиновники, которыхъ бы ты сильно пощелкивалъ, смекнувши, что они не твои, крѣпостные, или грабилъ бы ты казну.

9) Идите въ комнаты, сказала ключница отворотившись и показавъ ему спину запачканую мукой съ большою прорѣхой пониже.

10) Отецъ не любить офицеровъ, по старинному предубѣжденію, будто бы всѣ военные картежники и мотышки.

11) Услышавъ, что онъ (Чичиковъ) даже издержки по купчей принимаетъ на себя, Плюшкинъ заключилъ, что гость долженъ быть совершенно глупъ и только прикидывается, будто служилъ по статской, а вѣрно былъ въ офицерахъ и волочился за актерками.

12) „Мужикъ зашивалъ государственную въ холстинные штаны“. Комитетъ опредѣлилъ замѣнить слово государственную, словомъ ассигнацію.

13) Многие (чиновники губернскаго города) сильно входили въ положеніе Чичикова и трудность переселѣнія такого огромнаго количества крестьянъ (умершихъ) ихъ чрезвычайно устрасала; стали опасаться, чтобы не произошло даже бунта между такимъ безпокойнымъ народомъ, каковы крестьяне Чичикова. На это полицеймейстеръ замѣтилъ, что бунта нечего опасаться, что въ отвращеніе его существуетъ власть капитанъ-исправника, что капитанъ-исправникъ хоть самъ не ѣзди, а пошли на мѣсто себя одинъ картузъ свой, то одинъ этотъ картузъ погонитъ крестьянъ до мѣста ихъ жительства.

14) Во время обѣдни у одной изъ дамъ замѣтили внизу платья такое руло, которое растопырило его на полцеркви, такъ что частный приставъ, находившійся тутъ же, далъ приказаніе подвинуться народу подальше, т. е. поближе къ паперти.

15) Ноздревъ (одно изъ дѣйствующихъ лицъ) былъ такъ отдѣланъ, какъ развѣ только плугъ староста или ямщикъ бываетъ отдѣланъ какимъ нибудь ѣзжалымъ опытнымъ капитаномъ, а иногда и генераломъ, который, сверхъ многихъ выражений, сдѣлавшихся классическими, прибавляетъ еще много неизвѣстныхъ, которыхъ изобрѣтеніе принадлежитъ ему собственно.

16) Одинъ полковникъ (за ужинкомъ) подалъ дамѣ даже тарелку съ соусомъ на концѣ обнаженной шпаги.

17) Будочникъ, поймавъ у себя на воротникѣ какого-то звѣря и подошедъ къ фонарю, казнилъ его тутъ же у себя на ногтѣ.

18) Сперва ученый подѣбжаетъ столъ (въ ученыхъ разсужденіяхъ) необыкновеннымъ подлецомъ? и проч...

19) Разсказъ объ устемьскихъ кушцахъ, убитыхъ въ дракѣ, и объ оправданіи судьями виновныхъ за взятку, также о томъ, что крестьяне—вшивая спесь—убили засѣдателя земскаго суда, въ чемъ однакожь были оправданы палаткою.

20) Почтмейстеръ губернской имѣлъ обыкновеніе говорить: знаемъ мы васъ генераль-губернаторовъ! васъ можетъ быть три, чегыре пережѣнится, а я вотъ уже тридцать лѣтъ сижу на одномъ мѣстѣ.

21) Вообще, мы какъ-то не созданы для представительныхъ засѣданій—трудно даже сказать почему это; видно уже народъ такой, только и удаются тѣ совѣщанія, которыя составляются для того, чтобъ покутить, или пообѣдать, какъ-то клубы и всякіе воксалы.

22) Знаемъ батюшка, вы пальцами своими, можетъ быть, невѣсть въ какія мѣста навѣдываетесь, а табакъ вещь требующая чистоты.

23) Англичанинъ стоитъ (на картинкѣ) и сзади держитъ на веревкѣ собаку и подъ собакой разумѣется Наполеонъ.

24) Поди ты съ человѣкомъ, не вѣрить въ Бога, а вѣрить, что если почесется переносье, то непременно умрешь.

25) Порфирій (лакей) долженъ былъ чистить меделянскому щенку пушъ.

26) Обѣщался (одно изъ дѣйствующихъ лицъ) донести на священника, что перевѣнчалъ лабазника Михаила на кумѣ.

27) Чичиковъ показавъ такимъ образомъ прямо русскую изобрѣтательность, остающуюся только во время прижимокъ.

28) Скоро представилось Чичикову поле для взятковъ гораздо пространнѣе, образовалась комиссія для построенія какого-то казеннаго весьма капитальнаго строенія и пр.

29) На мѣсто прежняго тюфяка былъ присланъ новый начальникъ, человѣкъ военный, строгій, врагъ взяточниковъ и всего, что зовется неправдой. Но такъ какъ все же онъ былъ человѣкъ военный, стало быть не зналъ всѣхъ тонкостей гражданскихъ предѣловъ, то чрезъ нѣсколько времени, посредствомъ правдивой наружности и умѣнья поддѣлаться ко всему, втерлись къ нему въ милость другіе чиновники и новый правдивый начальникъ скоро очутился еще въ рукахъ большихъ мопенниковъ, которыхъ онъ вовсе не почиталъ такими? Чичиковъ ужъ никоимъ образомъ не могъ втереться, какъ ни старался и не стоялъ за него подстрекуемый письмами князя Хаванскаго первый секретарь, постигнувшій совершенно управленіе генеральскимъ носомъ, но тутъ онъ ничего рѣшительно не могъ сдѣлать.

30) Надобно сказать, что эта служба (таможенная) давно составляла тайный предметъ его (Чичикова) помышлений. Онъ видѣлъ, какими щегольскими

заграничными вещами заводились таможенные чиновники, какіе фарфоры и батисты пересылали кумушкамъ, тетушкамъ и сестрамъ.

31) Онъ (Чичиковъ) получилъ чинъ и повышение и вслѣдъ за тѣмъ представилъ прозектъ изловить всѣхъ контрабандистовъ, прося только средствъ исполнить его самому. Ему даны средства; онъ открываетъ цѣлое общество контрабандистовъ, сблизается съ ними и вмѣсто преслѣдованія беретъ съ нихъ огромную взятку.

32) Онъ (Чичиковъ) отыскивалъ—въ колесахъ и дышлахъ, и не вѣсть въ какихъ мѣстахъ, куда позволяется забираться однимъ таможеннымъ чиновникамъ.

33) Читатель безъ сомнѣнія слышалъ такъ часто повторяемую давнишнюю исторію объ остроумномъ путешествіи испанскихъ барановъ, которые, совершивъ переходъ чрезъ границу въ двойныхъ тулупчикахъ, пронесли подъ тулупчиками на миллионы брабанскихъ кружевъ. Это происшествіе случилось именно тогда, когда Чичиковъ служилъ при таможенѣ.

34) „Я статскій совѣтникъ, а не поповичъ“? слова одного изъ дѣйствующихъ лицъ.

35) Еще падеть обвиненіе на автора со стороны такъ называемыхъ патриотовъ, которые спокойно сидятъ себѣ по угламъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами, накопляютъ себѣ капиталы, устраивая судьбу свою на счетъ другихъ и пр.

36) Какъ губернаторъ разбойникъ? сказалъ Чичиковъ и совершенно не могъ понять, какъ губернаторъ могъ попасть въ разбойники.—И лице разбойничье, сказалъ Собаковичъ, дайте только ему ножъ, да выпустите на большую дорогу—зарѣжетъ за копѣйку. Онъ, да еще вице-губернаторъ—это гогъ и магогъ.—Полиціймейстеръ мошенникъ, сказалъ Сабаковичъ. Я ихъ знаю всѣхъ (чиновниковъ губернскаго города) это все мошенники—весь городъ тамъ такой мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ христо-продавцы, прокуроръ свинья.

Чтобы удержать разсказъ о капитанѣ Копейкинѣ, Гоголь долженъ былъ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя перемѣны. Они напоминаютъ отчасти то уклоненіе отъ первоначальнаго сюжета, которое допустилъ Гоголь въ повѣсти Шинель, на основаніи чисто-художественныхъ соображеній. Извѣстно, что сюжетъ Шинели заимствованъ изъ дѣйствительнаго случая, изъ разсказа о чиновникѣ, мечтою котораго было приобрести ружье. Гоголь, какъ писатель-художникъ, замѣнилъ ружье шинелью—вещью необходимою для бѣдняка, потеря которой была для него истиннымъ, дѣйствительнымъ несчастіемъ. Въ повѣсти о капитанѣ Копейкинѣ измѣненъ характеръ дѣйствующаго лица. Изувѣченному горемыкѣ приданы черты, разсчитанныя на умаленіе его нравственнаго достоинства сравнительно съ лицомъ начальствующимъ, къ которому онъ обращается.

Въ первоначальной редакціи:

„Копейкинъ мой всталился кое-какъ съ своей деревяшкой въ приемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую нибудь Америку или Индію раззолоченную, относительно сказать, фарфоровую вазу эдакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдо-

воль, потому что пришелъ еще въ такое время, когда министр, въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся съ постели и камердинеръ поднесъ ему какую нибудь серебряную лоханку для разныхъ понимаете, умываній эдакихъ. Ждетъ мой Копейкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ наконецъ адъютантъ, или тамъ другой дежурный чиновникъ. „Министръ, говоритъ, сейчасъ выйдетъ въ приемную“. А въ приемной понимаете, народу—какъ бобовъ на тарелкѣ. Все это не то, что вашъ братъ, холопъ: четвертаго класса, полковники, а кое-гдѣ и золотые макароны блестятъ на эполетахъ; генералитетъ, словомъ, такой... Вдругъ все засуетилось, пошло по комнатамъ шу-шу, шу-шу, и наконецъ тишина настала страшная. Входитъ министр... ну, можете представить себѣ, государственный человѣкъ. Въ лицѣ, такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете, съ высокимъ постомъ... Все тутъ, разумѣется, что ни было, въ струнку. Разумѣется, все ждетъ рѣшенія, въ нѣкоторомъ родѣ, судьбы. Подходить къ одному къ другому. „Зачѣмъ вы? что вамъ угодно? какое ваше дѣло?“ Наконецъ, сударь мой къ Копѣйкину. Копѣйкинъ: „Такъ и такъ“, говоритъ, „проливалъ кровь, лишился въ нѣкоторомъ родѣ, руки и ноги, работать ве могу—осмѣливаюсь просить Монаршей милости“. Министръ видитъ: человѣкъ на деревяшкѣ, и правый рукавъ пустой пристегнуть къ мундиру: „Хорошо“ говоритъ „понавѣдайтесь на дняхъ“. Дня черезъ три, черезъ четыре является онъ, сударь ты мой, къ министру. „Пришелъ“, говоритъ „узнать, такъ и такъ, по одержимымъ болѣзнямъ и за ранами... проливалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровь“... и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. Министръ тотчасъ узналъ его. „А“ говоритъ. „На этотъ разъ ничего не могу сказать болѣе, какъ только то, что вамъ нужно будетъ ожидать приѣзда Государя. Тогда, безъ сомнѣнія, будутъ сдѣланы распоряженія на счетъ раненыхъ; а безъ Монаршей, такъ сказать, воли я ничего не могу сказать“. Поклонъ, понимаете, и—прощайте! Копѣйкинъ, можете вообразить себѣ, выпелъ въ положеніи, въ нѣкоторомъ родѣ, сомнительномъ, не получивши, такъ сказать, ни да, ни нѣтъ. А между тѣмъ, можете вообразить себѣ, столичная жизнь становится для него съ каждымъ днемъ затруднительнѣе. Думаетъ себѣ: „Пойду опять къ министру! Какъ, рѣшите, ваше превосходительство? Послѣдній кусокъ доѣдаю; не поможете, долженъ умереть, въ нѣкоторомъ родѣ, съ голода“. Словомъ, приходитъ онъ, сударь мой, опять. Говорятъ: „Нельзя! министр не принимаетъ. Приходите завтра“. На другой день то же. Швейцаръ на него, просто, смотрѣть не хочетъ. А между тѣмъ у него изъ синихъ то, понимаете, ужъ остается только одна въ карманѣ. То бывало ѣдалъ ищи, говядины кусокъ, а теперь въ лавочкѣ возьметъ какую нибудь селедку, или огурецъ соленый, да хлѣба на два гроша. Словомъ, голодаетъ бѣдняга, а между тѣмъ аппетитъ просто волчій. Проходитъ мимо эдакаго, какого нибудь ресторана: поварь тамъ, можете представить, иностранецъ французъ эдакой, съ открытой физиономіей, бѣлье на немъ голанское, фартукъ бѣлизною равный, въ нѣкоторомъ родѣ, свѣгамъ, работаетъ фензервъ какой нибудь эдакой, котлетки съ трюфелями, словомъ, расуе—деликатесь такой, что, просто, себя, то есть съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдемъ ли мимо милютинскихъ лавокъ,—тамъ изъ окна выглядываютъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга эдакая, вишенки по пяти рублей штука, арбузъ—громалище, дилжансъ эдакой высунулъ изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей; словомъ, на всякомъ шагу соблазнъ, относительно, такъ сказать, слюнки текутъ; а онъ жди. Такъ представьте себѣ его положеніе: тутъ съ одной стороны, такъ сказать,

семга и арбузь, а съ другой стороны ему подносятъ горькое блюдо, подъ названіемъ завтра. Наконецъ, сдѣлалось бѣднѣе, въ нѣкоторомъ родѣ, не въ терпѣжъ; рѣшается, во что бы то ни стало, пролѣзть къ министру. Дождался у подвѣзда, не пройдетъ ли еще какой проситель, и тамъ съ какимъ-то генераломъ, понимаете, проскользнулъ съ своей деревяшкой въ приемную. Министръ, по обыкновенію, выходитъ. „Зачѣмъ вы?... Зачѣмъ вы?... А! говорить, увидѣвши Копейкина, вѣдь я уже объявилъ вамъ, что вы должны ожидать рѣшенія“.—„Помилуйте, ваше высокопревосходительство! не имѣю, такъ сказать, куса хлѣба“.—„Что же дѣлать! Я для васъ ничего не могу сдѣлать. Старайтесь, покамѣстъ, помочь себѣ сами, ищите сами средствъ“.—„Но ваше высокопревосходительство, сами можете, въ нѣкоторомъ родѣ, судить, какія средства могу отыскать, не имѣя ни руки, ни ноги“? Онъ-то хотѣлъ прибавить: „А носомъ и подавно ничего не сдѣлаешь: только развѣ высморкаться, да и для того нужно купить платокъ“! Только министръ, сударь мой, или ужъ онъ ему надоѣлъ такъ, или въ самомъ дѣлѣ онъ, можетъ, занять былъ дѣлами государственными,—началь, можете себѣ представить сердиться. „Ступай же! говоритъ. У меня много такихъ, какъ вы! Ожидайте покойно“! А мой Копейкинъ (голодъ, знаете пришпорилъ его); „Какъ хотите, говоритъ, ваше высокопревосходительство“! Можете себѣ представить, министръ вышелъ изъ себя? Въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, можетъ быть, еще не было въ лѣтописяхъ міра, такъ сказать, примѣра, чтобы какойнибудь Копейкинъ осмѣлился такъ говорить съ министромъ. Можете себѣ представить, каковъ долженъ быть разсерженный министръ, такъ сказать, государственный человѣкъ, въ нѣкоторомъ родѣ? „Грубіанъ“! закричалъ онъ. Гдѣ фельдъ-егерь? Позвать, говоритъ, фельдъ-егеря, препроводить его на мѣсто жительства“!

Въ измѣненной редакціи:

„Ждетъ мой Копейкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ дежурный чиновникъ, говоритъ: „Сейчасъ начальникъ выйдетъ“. А въ комнатѣ ужъ и эполетъ, и эксельбантъ, народу, какъ бобовъ на тарелкѣ. Наконецъ, сударь мой, выходитъ начальникъ. Ну... можете представить себѣ—начальникъ! въ лицѣ, такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете... съ чиномъ... такое и выраженіе, понимаете. Во всемъ столичный поведенцъ: подходитъ къ одному, къ другому: „Зачѣмъ вы, что вамъ угодно, какое ваше дѣло“? наконецъ сударь мой къ Копейкину. Копейкинъ: „Такъ и такъ“ говоритъ, „проливалъ кровь, лишился въ нѣкоторомъ родѣ руки и ноги, работать не могу, осмѣливаюсь просить, не будетъ ли какого вспомошествованія, какихънибудь эдакихъ распоряженій, на счетъ относительно, такъ сказать, вознагражденія, пенсіона, что ли“, понимаете? Начальникъ видитъ: человѣкъ на деревяшкѣ и правый рукавъ пустой, пристегнуть къ мундиру. „Хорошо“ говоритъ, понавѣдайтесь на дняхъ! „Копейкинъ мой въ восторгѣ: ну, думаетъ, „дѣло сдѣлано“. Въ духѣ можете вообразить, такомъ, подпрыгиваетъ по тротуару, зашелъ въ палкинскій трактиръ, выпилъ рюмку водки, пообѣдалъ, сударь мой въ Лондонѣ, приказалъ подать себѣ котлетку съ каперсами, пулярку съ разными финтерлеями, спросилъ бутылку вина, ввечеру отправился въ театръ, однимъ словомъ—кутнулъ во всю лопатку, такъ сказать. На тротуарѣ видитъ идетъ какая-то стройная Англичанка какъ лебедь, можете себѣ представить, эдакой. Мой Копейкинъ—кровь-то, знаете разингалась—побѣжалъ было за ней на своей деревя-

шкѣ, трихъ-трахъ слѣдомъ, да нѣтъ, подумаль: на время къ черту волокитство? пусть послѣ, когда получу пенсіонъ; теперь уже я что-то слишкомъ расходился“. А промоталь онъ, между тѣмъ, прошу замѣтить, въ одинъ день чуть не половину денегъ! Дни черезъ три-четыре, является онъ, сударь ты мой, въ комиссію, къ начальнику. „Пришелъ говорить, узнать: такъ и такъ, по одержимымъ болѣзнямъ и за ранами.. проливалъ въ нѣкоторомъ родѣ кровь“... и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. „А что? говоритъ начальникъ, прежде всего я долженъ вамъ сказать, что по дѣлу вашему безъ разрѣшенія высшаго начальства ничего не можемъ сдѣлать. Вы сами видите, какое теперь время. Военныя дѣйствія, относительно такъ сказать, еще не кончились совершенно. Обождите пріѣзда господина министра, потерпите. Тогда, будьте увѣрены, вы не будете оставлены. А, если вамъ нечѣмъ жить, такъ вотъ вамъ, говоритъ, сколько могу“... Ну, и понимаете, далъ ему конечно не много, но съ умѣренностью стало бы протянуться до дальнѣйшихъ тамъ разрѣшеній. Но Копейкину моему не того хотѣлось. Онъ-то уже думаетъ, что вотъ ему завтра такъ и выдадутъ тысячный какой нибудь эдакой кушъ: „На тебѣ, голубчикъ, пей да веселись“; а вмѣсто того—жди. А ужъ у него, понимаете, въ головѣ и Англичанка и суллеты, и котлеты всякія. Вотъ онъ совой такой вышелъ съ крыльца, какъ пудель, котораго поваръ облилъ водой,—и хвостъ у него между ногъ, и уши повисли. Жизнь то петербургская его уже поразобрала, кое-что онъ и попробоваль. А тутъ живи, чортъ знаетъ какъ, сластей, понимаете, никакихъ. Ну, а человѣкъ-то свѣжій живой, аппетитъ, просто, волчий. Проходитъ мимо эдакаго какого нибудь ресторана: поваръ тамъ, можете представить, иностранецъ, французъ эдакой съ открытой фізіономіей, бѣлье на немъ голландское, фартукъ бѣлизной равный въ нѣкоторомъ родѣ свѣгамъ, работаеъ фензервъ какой-нибудь эдакой, котлетки съ трюфелями, словомъ—разсупе-деликатесь такой, что, просто, себя, то есть, съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо милютинскихъ лавокъ: тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга эдакая, вишенки по пяти рублей штука, арбузъ-громадище, дилижансъ эдакой высунулся изъ окна, и такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей; словомъ—на всякомъ шагу соблазнъ, относительно, такъ сказать, слюнки текутъ, а онъ—жди. Такъ представьте себѣ его положеніе, тутъ съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а съ другой стороны ему подносятъ горькое блюдо подъ названіемъ завтра. „Ну ужъ, думаетъ, какъ они тамъ себѣ хотятъ, а я пойду, говоритъ, подыму всю комиссію, вѣсѣхъ начальниковъ, скажу: какъ хотите!“ И въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ назойливый, наянъ эдакой, толку-то, понимаете, въ головѣ нѣтъ, а рыси много. Приходитъ онъ въ комиссію: „Ну что, говорятъ, зачѣмъ еще? вѣдь вамъ уже сказано?“—„Да что? говоритъ, я не могу, говоритъ, перебиваться кое-какъ. Миѣ нужно, говоритъ съѣсть котлетку, бутылку французскаго вина, поразвлечь тоже себя, въ театръ, понимаете“. — „Ну, ужъ, говоритъ начальникъ, извините. На счетъ этаго есть, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, терпѣніе. Вамъ даны пока средства для прокормленія, покамѣстъ выдетъ резолюція и безъ сомнѣнія вы будете вознаграждены, какъ слѣдуетъ; ибо не было еще примѣра, чтобы у насъ въ Россіи человѣкъ приносившій, относительно, такъ сказать, услугу отечеству, былъ оставленъ безъ прізнанія. Но если вы хотите теперь же лакомить себя котлетками и въ театръ, понимаете, такъ уже тутъ, извините. Въ такомъ случаѣ, ищите сами себѣ средствъ, ста-

райтесь сами себѣ помочь“. Но Копейкинъ мой, можете вообразить себѣ, и въ усь не дуетъ. Слова-то ему эти, какъ горохъ къ стѣнѣ: шумъ поднялся такой, всѣхъ распушилъ; всѣхъ тамъ этихъ секретарей, всѣхъ началъ откалывать и гвоздить: „Да вы, говорить то, говорить, да вы говорить, это! говорить, да вы говорить, обязанностей своихъ не знаете! да вы говорить, законопродавцы! говорить!“ Всѣхъ отшлепалъ. Тамъ какой-то чиновникъ понимаете, подвернулся изъ какого-то, даже вовсе посторонняго вѣдомства — онъ сударь мой, и его. Бунтъ поднять такой! Что прикажешь дѣлать съ эдакимъ чертомъ? Начальникъ видитъ: нужно прибѣгнуть, относительно такъ сказать, къ мѣрамъ строгости. „Хорошо говорить, если вы не хотите довольствоваться тѣмъ, что дадутъ вамъ и ожидать спокойно, въ нѣкоторомъ родѣ, здѣсь въ столицѣ, рѣшенія вашей участи, такъ я васъ препровожаю на мѣсто жительства. Позвать, говорить, фельдъ-егеря, препроводить его на мѣсто жительства!“

Такое измѣненіе удовлетворило цензурнымъ требованіямъ и повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ въ новомъ ея видѣ разрѣшено было печатать. Запрещеніе и снятіе его мотивировано такимъ образомъ: „Въ первой, запрещенной, редакціи „представленъ былъ раненый офицеръ, сражавшійся съ честью за отечество, человекъ простой, но благородный, пріѣхавшій въ Петербургъ хлопотать о пенсіи. Здѣсь сначала какой-то изъ важныхъ государственныхъ людей принимаетъ его довольно ласково, общается ему пенсію, и т. д. Наконецъ, на жалобы офицера, что ему нечего ѣсть, отвѣчаетъ: „такъ промышленайте сами себѣ какъ знаете“. Вслѣдствіе этого Копейкинъ дѣлается атаманомъ разбойничьей шайки. Нынѣ авторъ, оставивъ главное событіе въ такомъ самомъ видѣ, какъ оно было, измѣнилъ характеръ главнаго дѣйствующаго лица въ своемъ разсказѣ: онъ представляетъ его человекомъ безпокойнымъ, буйнымъ, жаднымъ къ удовольствіямъ, который заботится не столько о средствахъ прилично существовать, сколько о средствахъ удовлетворять своимъ страстямъ, тамъ что начальство находится наконецъ въ необходимости выслать его изъ Петербурга. Комитетъ опредѣлилъ: эпизодъ сей дозволить къ напечатанію въ такомъ видѣ, какъ онъ изложенъ авторомъ“.

Появленіе Мертвыхъ душъ было неожиданною новостью для высшихъ слоевъ нашего общества. Не хотѣли вѣрить, что книга Гоголя появилась въ печати подобно всякой другой книгѣ, безъ какихъ либо заглавныхъ цѣлей не только со стороны автора, но даже со стороны властей. Одно изъ высокопоставленныхъ лицъ обратилось къ министру народнаго просвѣщенія для разъясненія загадочнаго событія. Вотъ нѣсколько строкъ изъ письма этого лица: „На-дняхъ, прочитывая новую поэму Гоголя: Похожденія Чичикова или Мертвыя души, я останавливался на многихъ мѣстахъ, которыя, не смотря на свою занимательность и юморъ, не могли, какъ я думаю, быть дозволены къ напечатанію безъ особеннаго высшаго разрѣшенія и съ какою либо особенною цѣлію. Новое произведеніе Гоголя обратило на себя всеобщее вниманіе и, конечно, будетъ под-

вергнуто разнымъ толкованіямъ и критикѣ. Въ семь случаѣ цензура поставлена будетъ въ затрудненіе, потому что не имѣетъ указанія, при какихъ обстоятельствахъ 'дозволено напечатаніе означенной поэмы'.

Министръ просвѣщенія С. С. Уваровъ разъяснилъ, что Мертвыя души Гоголя рассмотрѣны и пропущены на общихъ основаніяхъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться и при рассмотрѣнии критическихъ статей о новомъ произведеніи Гоголя.

Изданіе полного собранія сочиненій Гоголя, предпринятое въ 1842 году, было сопряжено съ большими затрудненіями, вслѣдствіе весьма печальной случайности. Въ то время, когда разсматривались эти сочиненія, два цензора—профессоры: А. В. Никитенко и С. С. Куторга были „арестованы съ посаженіемъ на гауптвахту“ за пропускъ одной повѣсти въ журналъ: „Сынъ Отечества“ (№ 8). Повѣсть эта называется: Гувернантка; авторъ ея — П. Еф—скій. Содержаніе повѣсти самое безобидное и самое благонамѣренное. Дочь генерала, получившая образованіе въ институтѣ и не имѣющая никакихъ средствъ къ существованію, идетъ въ гувернантки, чтобы трудами своими содержать старушку-мать. Къ несчастію для себя и для матери, дѣвушка попала въ домъ откупщика, и подвергалась всевозможнымъ оскорбленіямъ въ грубой откупщицѣей семьѣ. Но является добрый ангелъ въ лицѣ благовоспитаннаго молодого человѣка, и освобождаетъ ни въ чемъ неповинную страдальицу, предлагая ей и сердце и руку. Свадьба затягивается оттого, что ни женихъ, ни невѣста, не соглашаются на бракъ безъ благословенія матери жениха. Посредствомъ самой благонамѣренной мистификаціи мать жениха получаетъ возможность какъ нельзя ближе узнать невѣсту своего сына и, убѣдившись въ ея прекрасныхъ свойствахъ, не только даетъ согласіе на бракъ, но и видитъ въ этомъ союзѣ величайшее счастье, посылаемое небомъ ея сыну. Вотъ и все содержаніе повѣсти, изобилующей сценами и разсужденіями самаго нравственнаго и назидательнаго свойства. За что же такая кара постигла ученыхъ, пропустившихъ такую, повидимому невинную, рукопись? Въ письменномъ извѣщеніи объ этомъ печальномъ событіи сказано только: „за нѣкоторыя выраженія“, а за какія именно, не обозначено. По устному же разъясненію графа Бенкендорфа, сдѣланному имъ въ бесѣдѣ съ потерпѣвшими лицами, предосудительными признаны слѣдующія мѣста въ описаніи „бала на Пескахъ“:

„Я васъ спрашиваю, чѣмъ дурна фигура вотъ хоть бы этого фельдъегеря, огромнаго, съ блестящимъ, совсѣмъ новымъ аксельбантомъ? Считаю себя военнымъ и — что еще лучше — кавалеристомъ, господинъ фельдъегерь имѣетъ полное право думать, что онъ очень интересень, когда побрякиваетъ шпорами, и крутитъ усы, намазаные фиксауаромъ, котораго розовый запахъ пріятно обдаетъ и его“

самого и танцующую съ нимъ даму... Остальные шесть кавалеровъ были: прапорщикъ строительнаго отряда путей сообщенія, съ огромными эполетами, высокимъ воротникомъ и еще высшимъ галстухомъ; почти такого же вида, пожилыхъ лѣтъ прапорщикъ изъ военныхъ топографовъ“ и т. д.

По объясненію графа Бенкендорфа, арестъ вызванъ жалобой графа Петра Андреевича Клейнмихеля, увидѣвшаго въ приведенныхъ строкахъ оскорбленіе лицъ, служащихъ по вѣренному ему вѣдомству. Съ своей стороны, графъ Бенкендорфъ не только не выразилъ сочувствія взгляду графа Клейнмихеля, но и обѣщаль все свое содѣйствіе для скорѣйшаго освобожденія арестованныхъ. Повидимому, ходатайство его увѣнчалось успѣхомъ, и арестъ продолжался не болѣе сутокъ.

Тѣмъ не менѣе, слѣды этого прискорбнаго произшествія обнаружилась и весьма рѣзко и весьма скоро. На бѣду для русской литературы, именно въ это время надо было разсматривать въ цензурномъ отношеніи сочиненія Гоголя. Напуганный исторіею съ „Гувернанткою“, цензурный комитетъ былъ поставленъ въ чрезвычайное затрудненіе: если и повѣсть П. Еф—скаго навлекла гнѣвъ министра, то въ повѣстяхъ и драмахъ Гоголя сколько поводовъ для заявленій отъ всѣхъ министровъ и главноуправляющихъ, отъ всѣхъ учреждений и вѣдомствъ. Было надъ чѣмъ призадуматься.

Въ полномъ собраніи сочиненій Гоголя возбудили опасенія слѣдующія мѣста, а также и общее содержаніе нѣкоторыхъ произведеній. а именно:

I. Шинель, повѣсть, въ которой представленъ бѣдный и жалкій чиновникъ, служащій въ какомъ то департаментѣ, крайне съ ограниченными способностями и потому осужденный на вѣчную переписку канцелярскихъ бумагъ. Характеръ этого чиновника возбуждаетъ участіе читателя своимъ простодушіемъ, безропотною покорностію своему жребію и тою незавидною ролю, какую судьба назначила ему играть въ общественномъ и нравственномъ порядкѣ вещей. „Не презирайте братій своихъ, какъ бы они слабы и малы ни были по своимъ душевнымъ силамъ и значенію въ свѣтѣ“, вотъ нравственная идея, кою прониньнуто все сочиненіе. Положенія, въ кон авторъ вводитъ своего героя, иногда комическія, иногда возбуждающія состраданіе. У бѣднаго чиновника все почти имущество состоитъ въ платьѣ, которое онъ носитъ. Къ ужасу своему, онъ однажды замѣтилъ, что шинель его, необходимѣйшая часть его одежды для посѣщенія департамента, дѣлается совершенно негодною къ употребленію. Въ сердцѣ его поселилась страшная забота, какъ добыть новую шинель. Долго мучился онъ, отказалъ себѣ въ половинѣ обычной пищи, уменьшивъ другія изъ своихъ малыхъ издержекъ, и достигъ наконецъ того, что рускій портной, характеръ коего превосходно очерченъ въ повѣсти, сшилъ ему новую шинель. Акакій Акакіевичъ (имя героя повѣсти) блаженствовалъ въ новой шинели, которая исполнила всѣ надежды и замѣнила ему всѣ радости жизни. Но блаженство это не долго продолжалось. Однажды онъ возвращался домой поздно ночью, на него напали воры и отняли шинель. Акакій Акакіе-

вичь едва не лишился послѣдней капли удѣленнаго ему природою разсудка. Однакожъ онъ рѣшается дѣйствовать, отыскивать свое сокровище. Частный приставъ, къ которому онъ обратился, принимаетъ его очень сухо; онъ рѣшается прибѣгнуть къ покровительству одного значительнаго лица, чтобы походатайствовало за него у оберъ-полицмейстера. Значительное лицо встрѣчаетъ его бранью и бѣдный чиновникъ съ отчаянія умираетъ. Въ городѣ распространился слухъ, будто умершій чиновникъ бродитъ по ночамъ у каковаго то моста и въ отмщеніе за свою трату, снимаетъ шинели съ проходящихъ. Разумѣется этотъ слухъ былъ распушенъ ворами, которые, распорядились тутъ отъ имени мертвеца.

Мѣста изъ повѣсти, представленныя на особенное вниманіе цензурнаго комитета.

1) Если бы, соразмѣрно рвенію Акакія Акакіевича, давали ему награды, онъ бы къ изумленію своему, можетъ быть, даже попалъ въ статскіе совѣтники; но выслужилъ онъ, какъ выражались остряки его же товарищи, пряхку въ петлицу, да нажилъ геморой въ поясицу.

2) Въ одномъ обществѣ (по причинѣ недостатка матеріаловъ для разговора) пересказывали вѣчный анекдотъ о комендантѣ, которому пришли сказать, что подрубленъ хвостъ у лошади Фальбонетова монумента.

3) При встрѣчѣ съ нею, гвардейскіе солдаты заглядывали ей подъ чепчикъ, моргнувши усомъ и испутивши какой то особый голосъ.

4) Кухарка совѣтовала Акакію Акакіевичу идти (съ жалобой о пропавшей шинели) прямо къ частному, что квартальный надуетъ, пообщаетъ и станетъ водить.

5) Чиновники рѣшились собрать на шинель Акакію Акакіевичу по подпискѣ сумму, но собрали самую бездѣлицу, потому что они и безъ того уже много истратились подписываясь на директорскій портретъ и на одну какую-то книгу, по предложенію начальника отдѣленія, который былъ пріятелемъ сочинителю.

6) Хотя и можетъ случится, что квартальный, желая заслужить одобреніе начальства, отыщетъ какимъ нибудь средствомъ шинель (отнятую ворами у Акакія Акакіевича) но шинель всетаки останется въ полиціи, если онъ не представитъ законныхъ доказательствъ что она принадлежитъ ему.

7) Значительное лице, человекъ женатый, у котораго есть взрослые сынъ и дочь, ѣздитъ къ какой то любезницѣ Каролинѣ Ивановнѣ.

8) Привидѣніе т. е. воръ, грабившій по ночамъ у прохожихъ шинели у Калинкина моста, носило преогромные усы и проч.

II. Женитьба. Комедія, нѣчто въ родѣ очерка нравовъ изъ низшаго чиновническаго и мѣщанскаго быта въ Петербургѣ, гдѣ комическія стороны людей представлены въ юморстическихъ каррикатурахъ, безъ всякой впрочемъ неблагонамѣренной цѣли, съ намѣреніемъ больше позабавить читателей и зрителей возможностью нелѣпыхъ понятій и поступковъ среди людей извѣстнаго круга, чѣмъ изобразить дѣйствительные предметы и лица.

Цензоръ Никитенко обратилъ особенное вниманіе комитета на слѣдующія мѣста комедіи:

1) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы говоритъ: „плевать на того, кто стыдится быть купцомъ; да не выдамъ же дочь за полковника. Пусть ихъ дѣлаютъ другіе! а и сына не отдамъ на службу. Развѣ купецъ не служитъ государю какъ и всякой другой“.

2) Жевакинъ морской офицеръ говоритъ: „у насъ вся эскадра, всѣ офицеры и матросы, всѣ были съ престранными фамильями. Помойкинъ, Ярышкинъ, Переирѣевъ лейтенантъ. А одинъ мичманъ, и даже хорошій мичманъ, былъ по фамильи просто Дырка. И капитанъ, бывало, говоритъ: „ты, Дырка-поди сюда. И бывало всегда надъ нимъ подшутнишь: охъ, ты Дырка, эдакой, говоришь“.

3) Одинъ чиновникъ грубый и хвастувъ, говоритъ: „директоръ такъ только для вида поставленъ, и всѣ дѣла дѣлаетъ онъ“. (Подколесинъ пріятель говорящаго).

4) „Мнѣ плевали, говоритъ Кочкаровъ, человекъ буйнаго характера, мнѣ плевали нѣсколько разъ, ей Богу. Еще не такъ давно мой начальникъ,—я до тѣхъ поръ надоѣлъ ему о прибавкѣ жалованья, пока наконецъ онъ не вынесъ, плюнулъ въ самые глаза: „вотъ тебѣ, говоритъ, твоя прибавка, отвяжись сатана. А жалованья однакожъ все таки прибавилъ“.

III. Утро дѣловаго человека. Юмористическая и сатирическая картина нравовъ, гдѣ выставленъ лицомъ-рр чиновникъ, увѣряющій всѣхъ, что онъ заваленъ дѣлами по службѣ, между тѣмъ какъ онъ ничего не дѣлаетъ и проводитъ большую часть своего времени за вистомъ съ пріятелями.

Отдѣльныя мѣста пьесы:

1) Одно изъ дѣствующихъ лицъ говоритъ: „Не терплю я людей такого рода; ничего не дѣлаетъ, жирѣетъ только, а прикидывается, что онъ такой сякой, и то надоѣлалъ, и это поправилъ. Вспи чего захотѣлъ—ордена! и вѣдъ получить, получить мошенникъ, получить,—такие люди всегда усибаютъ“.

2) Дѣствующее лице Пролетовъ говоритъ: „Павелъ Петровичъ произведетъ. А? каково! взяточникъ, два раза былъ подъ судомъ, отецъ воръ, обокралъ казну“.

3) „У насъ въ полку былъ поручикъ, вотъ какъ двѣ капли воды похожъ на васъ (говоритъ одно изъ дѣствующихъ лицъ другому) пьяница страшишій! дня не проходило чтобы у него рожа не была разбита.“

IV. Театральный разъѣздъ послѣ перваго представленія комедіи. Содержаніе этой пьесы слѣдующее: Авторъ сыгранной на театрѣ комедіи, въ которой современные нравы нѣкоторыхъ сословій представлены весьма съ невыгодной стороны, выходитъ по окончаніи спектакля въ театральный корридоръ и, никому неизвѣстный, прислушивается тамъ къ сужденіямъ зрителей о его пьесѣ. Мимо его проходятъ лица разныхъ сословій, чиновъ, возрастовъ; всѣ говорятъ о новой комедіи, пные хвалятъ ее, но большая часть зрителей бранятъ автора за то, что онъ такъ рѣзко обрисовалъ разныя пороки общества и злоупотребленія общественныхъ должностей. Многие изъ посѣтителей театра, не принимая всего этого прямо на свой счетъ, видятъ однакожъ въ изображеніяхъ автора оскорбленіе своихъ сословій, званія, народа и самого правительства. Другіе лица, представители идей автора, возражаютъ на это и стараются доказать, что сатирическое обличеніе порочныхъ и дурныхъ людей, неизбѣжныхъ во всякомъ сословіи, ни мало не относится къ самымъ сословіямъ, что оно не только не противно правдивости и общественному благу, но напротивъ содѣйствуетъ имъ, стараясь освободить общество отъ плутовъ и негодяевъ, и что чѣмъ ярче и разительнѣе выставлены пороки, тѣмъ больше произведутъ они отвращеніе.

Отдѣльныя мѣста статьи, поставленныя на судъ цензурному комитету.

1) Одинъ офицеръ, говоря о другомъ, спрашиваетъ, „что глупъ?“ На это

отвѣчаетъ ему одно изъ дѣйствующихъ лицъ: нѣтъ не то, что бы, у него есть умъ, но сей-часъ по выходѣ журнала, а запоздала выходомъ книжка и въ головѣ ничего.

2) „Наши комики не могутъ никакъ обойтись безъ того чтобы не вмѣшивать начальствъ. Безъ нихъ у насъ не развяжется ни одна комедія“. На это отвѣчаетъ другое лицо. „Это правда. А впрочемъ съ другой стороны это очень естественно. Мы всѣ принадлежимъ правительству, всѣ почти служимъ, интересы всѣхъ насъ болѣе или менѣе соединены съ правительствомъ. Стало быть не мудрено, что это отражается въ созданіяхъ нашихъ писателей“. „Такъ, ну пусть эта связь будетъ слышна. Но смѣшно то, что пьеса никакъ не можетъ кончиться безъ того, чтобы не вмѣшать начальства. Оно непременно явится точно неизбѣжный рокъ въ трагедіяхъ у древнихъ“. „Ну видите: стало быть это уже что то невольное у нашихъ комиковъ. Стало быть это составляетъ какой то отличительный характеръ нашей комедіи; въ груди нашей заключается какая то тайная вѣра въ правительство. Что жъ? Тутъ нѣтъ ничего дурнаго: дай Богъ чтобы правительство вездѣ и всегда слышало призваніе свое: быть представителемъ провидѣнія на земли, чтобы мы вѣровали въ него какъ древніе вѣровали въ рокъ, настигавшій преступленіе“.

3) Сужденія одного изъ бывшихъ въ театрѣ о новой комедіи: „Нѣтъ, это не осмѣяніе пороковъ, это отвратительная насмѣшка надъ Россією—вотъ что. Это значить выставить въ дурномъ видѣ самыя начальства. Просто даже не слѣдуетъ позволять такихъ представленій“. (уходить)

4) Я слышалъ одно замѣчаніе сдѣланное, какъ мнѣ показалось, впрочемъ довольно порядочнымъ человекомъ: „А, что скажетъ народъ, когда увидитъ что у насъ бываютъ вотъ какія злоупотребленія“.

Господинъ А.

Признаюсь, вы извините меня, но мнѣ самому тоже невольно представился вопросъ, и что скажетъ народъ нашъ глядя на все это.

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Что скажетъ народъ? (постаранивается, проходить двое въ армякахъ).

Синій армякъ сѣрому.

Небось пряткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли когда пришла царская расправа! (Оба выходятъ вонъ).

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Вотъ что скажетъ народъ, вы слышали.

Господинъ А.

Что?

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Скажетъ: небось пряткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли когда пришла царская расправа. Слышите ли какъ вѣренъ естественному чутью и чувству человѣка. Какъ вѣренъ самый простой глазъ, если онъ не отуманенъ теоріями и мыслями, надерганными пзъ книгъ, и черпаетъ ихъ изъ самой природы человѣка. Да развѣ это не очевидно, ясно, что послѣ такого представленія народъ получить болѣе вѣры въ правительство. Да, для него нужны такія

представленія. Пусть онъ отдѣлитъ правительство отъ дурныхъ исполнителей правительства. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства, отъ неходящихъ отвѣтствовать правительству. Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что бдитъ равно надъ всѣми его недремлющее око! Что рано или поздно настигнетъ оно измѣнившихъ закону, чести и святому долгу человѣка, что побѣдиють предъ нимъ имѣющіе нечистую совѣсть. Да, эти представленія ему должно видѣть; повѣрьте, что если и случится ему испытать на себѣ прижимки и несправедливости, онъ выдетъ утѣшенный послѣ такого представленія съ твердой вѣрой въ недремлющій, высшій законъ. Мнѣ нравится тоже замѣчаніе: народъ получилъ дурное мнѣніе о своихъ начальникахъ. То есть онѣ соображаютъ, что народъ только здѣсь въ первый разъ, въ театрѣ, увидитъ своихъ начальниковъ. Что если дома какой нибудь плутъ староста сожметъ его въ лапу, такъ этого онъ никакъ не увидитъ, а вотъ какъ пойдетъ въ театръ, такъ тогда и увидитъ. Они право народъ нашъ считаютъ глупѣ бревна, глупымъ до такой степени, что будто онъ уже не въ силахъ отличить, который пирогъ съ мясомъ и который съ кашей. Нѣтъ теперь мяѣ кажется даже хорошо то, что не выведенъ на сцену честный человѣкъ. Самолюбивъ человѣкъ. Выстави ему при множествѣ дурныхъ сторонъ одну хорошую, онъ уже гордо выдетъ изъ театра. Нѣтъ, хорошо, что выставлены одни только исключенія и пороки, которые колютъ теперь до того глаза, что не хотятъ быть ихъ соотечественниками, стыдятся даже сознаться что это можетъ быть.

Господинъ П.

Именно. Вотъ это я самъ хотѣлъ ему замѣтить. Это именно оскорбленіе, которое распространяется. Теперь напримѣръ выведутъ какого нибудь титулярнаго совѣтника, и потомъ.....э. ... пожалуй выведутъ.....и дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Господинъ Б.

Ну такъ чтожъ? личность только должна быть неприкосновенна, и если я выдумалъ собственное лице, и придалъ ему кое какіе пороки, какіе случаются между нами, и далъ ему чинъ, какой мнѣ вздумалось, хоть бы и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и сказалъ бы, что этого дѣйствительнаго статскій совѣтникъ не таковъ какъ слѣдуетъ. Чтожъ тутъ такого? Развѣ не попадается гусь и между дѣйствительными статскими совѣтниками.

Штатскій.

6) Вѣдь вотъ вы какіе господа военные! Вы говорите: это нужно выводить на сцену, вы готовы вдоволь посмѣяться надъ какимъ нибудь штатскимъ чиновникомъ. А затронь какъ нибудь военныхъ, скажи только, что есть въ такомъ то полку офицеръ, не говоря уже о порочныхъ наклонностяхъ, но просто скажи, есть офицеры дурнаго тона съ неприличными ухватками, да вы изъ одного этого готовы съ жалобой полѣзть въ самый государственный совѣтъ.

Военный.

Ну послушайте; за кого же вы меня считаете. Конечно есть между нами такіе донкишоты, но вѣрьте также что есть много истинно разсудительныхъ людей, которые будутъ рады всегда если будетъ выведенъ на всеобщее осмѣ-

яніе порочаціи свое званіе. Да и въ чемъ здѣсь обида. Подавайте, подавайте намъ его, мы всякій день готовы смотрѣть.

Вторая дама.

7) Зачѣмъ вамъ знать? Да не онъ одинъ, я слышала безпрестанно какъ около насъ кричали: это отвратительная насмѣшка надъ Россіею, насмѣшка надъ правительствомъ! Да какъ это позволить, до что скажетъ народъ. А отъ чего они кричали? Отъ того ли, что въ самомъ дѣлѣ думали и чувствовали это? Извините. Отъ того, чтобы произвестъ шумъ, чтобы запретить пьесу, потому что въ ней можетъ быть отысканы кое что похужее на самихъ себя. Вотъ каковы ваши настоящіе, не театральные рыцари.

Первый.

8) Вотъ что они думаютъ: за такую комедію тебя бы въ Нерчинскъ.

Первый.

9) Не знаешь какой генералъ, долженъ быть какой нибудь извѣстный.

Второй.

Не знаю, я никогда не видывалъ его.

Чиновникъ разговорчиваго свойства (подхватывая сзади): „Просто статскій совѣтникъ. По мѣсту только числится въ четвертомъ классѣ. Каково счастье: въ пятнадцать лѣтъ службы Владиміра, Анну, Станислава, 3.000 рублей жалованья, двѣ тысячи столовыхъ, да отъ совѣта, да отъ коммисіи, да еще по департаменту“.

Невзрачный, но ядовитаго свойства господинъ.

10) То, что нравственность каждый мѣряетъ относительно къ себѣ. Одинъ называетъ нравственностью сняманье ему шляпы на улицѣ, другой называетъ нравственностью смотрѣнье сквозъ пальцы на то, какъ онъ воруетъ; третій называетъ нравственностью услуги, оказываемыя его любовницѣ. Вѣдь обыкновенно, какъ говоритъ всякій изъ нашей братии своимъ подчиненнымъ? съ высока говоритъ: милостивый государь, старайтесь исполнить свой долгъ относительно Бога, Государя, отечества, а ты молъ ужъ самъ разсудишь относительно чего. Впрочемъ это такъ только въ провинціяхъ водится; въ столицахъ этого не бываетъ, не правда ли? Тутъ если явится у кого нибудь въ три года два дома, такъ вѣдь это отъ чего. Все отъ честности, не правда ли?

Третій господинъ.

11) Еще бы! это серьезная вещь! говорятъ: бездѣлушки, пустяки, тетральное представленіе. Нѣтъ, это не простыя бездѣлушки, на это обратить нужно строгое вниманіе. За этанія вещи и въ Сибирь посылаютъ. Да если бы я имѣлъ власть, у меня бы авторъ не пикнулъ. Я бы его въ такое мѣсто засадилъ, что онъ бы и свѣта Божьяго не взвидѣлъ.

Всѣ приведенныя мѣста комитетъ, послѣ тщательнаго рассмотрѣнія и обсужденія въ четырехъ засѣданіяхъ, дозволилъ напечатать; дозволеніе мотивировано слѣдующими соображеніями и основаніями:

1) Всѣ сочиненія юмористическія или сатирическія въ формѣ повѣстей или драмы, изображающія пороки смѣшныя, грубыя стороны общественныхъ

нравовъ и злоупотребленія сословій, разсматриваемыя единственно съ нравственной точки зрѣнія, а не съ политической,—сочиненія, клеймящія позоромъ низость, пронырство по службѣ, лихоимство, своекорыстіе, жертвующее самими священными обязанностями человѣка и гражданина личнымъ расчётамъ и видамъ—всѣ такія сочиненія допускаемы были у насъ, какъ одно изъ средствъ къ нравственному усовершенствованію и очищенію общества, которое къ несчастію нигдѣ и никогда не бываетъ изъято отъ подобныхъ болѣзней, недоступныхъ каръ закона и врачуемыхъ единственно преданіемъ ихъ на всеобщее презрѣніе и посмѣяніе. Въ эпоху, когда еще въ Россіи не существовала литература и когда слѣдовательно нельзя еще было прибѣгать для сей цѣли ни къ сатирѣ, ни къ драмѣ, бессмертный преобразователь Петръ Великій устанавливалъ цѣлыя процессіи, игры, въ коихъ были осмѣиваемы и порицаемы многіе странныя, законсѣлыя предрасудки и пороки нашихъ предковъ. Въ послѣдствіи, когда по упредительному наитію его генія, пробудилась въ Россіи умственная дѣятельность, а съ нею возникла и литература, первыми ея подвижниками было подвергнуть публичному осмѣянію все, что не могло уже отвѣтствовать начавшемуся великому нравственному перерожденію и развитію народа. Такимъ образомъ Кантемиръ сильно и явно возставалъ противъ невѣжества и грубыхъ пороковъ своего времени, преслѣдуя ихъ вездѣ и болѣе въ первенствующихъ сословіяхъ, не щадя знатныхъ и самаго духовенства. Сумароковъ нападалъ на разныя злоупотребленія въ кругу административныхъ лицъ и въ судахъ, Фонъ-Визинъ былъ страшнымъ бичемъ этого зла, а въ своемъ Недорослѣ и Бригадирѣ въ сильныхъ и рѣзкихъ чертахъ изобразилъ дикіе нравы русскаго дворянства, стоявшаго тогда на рубежѣ между новыми формами образованности и обычаями старины. Державинъ грозно порицалъ въ своихъ сатирическихъ одахъ вельможъ, коихъ поступки не согласны съ высокимъ ихъ призваніемъ. Въ послѣдствіи комедія Каланиста „Ябеда“ обнажила отвратительныя тайны злоупотребленій въ судахъ; издавался журналъ подъ названіемъ: Адская почта, съ цѣлію осмѣивать все низкое и нелѣпое въ современныхъ нравахъ; знаменитый Крыловъ, изображая пороки людей въ своихъ басняхъ, мѣтитъ часто на обстоятельства и событія современнаго общества. Такое постоянное и сатирическое направленіе большей части нашей литературы было естественнымъ слѣдствіемъ новаго порядка вещей, воздвигнутаго Петромъ Великимъ. Россія, пробужденная отъ вѣковаго сна своимъ пересоздателемъ, прозрѣла и устыдилась черныхъ пятенъ, оставленныхъ на ней тяжкимъ ярмомъ татарскаго владычества; не вдругъ могли изгладиться слѣды нравственнаго уничтоженія, противныя нашему народному духу, нашему политическому значенію и державной волѣ нашихъ вѣнценосныхъ путеводителей ко всему великому и благому; эти слѣды однакожь надо было изглаживать, надобно было даже умѣрять страсть къ новому, которое принимали слѣпо изъ чужеземныхъ источниковъ; однимъ словомъ, надобно было исправлять нравы, еще возникающіе, иное гнать строго, другое осмѣивать остроумно или рѣзко, и такимъ образомъ многіе изъ нашихъ писателей, увлеченные сею потребностію, начали дѣйствовать въ духѣ сатиры. 1812 годъ, возвысившій Россію на такую степень славы, указавшій ей будущность, какой едва ли какой народъ на землѣ былъ удостоенъ промысломъ, вмѣстѣ съ глубокимъ сознаніемъ силъ и достоинства, пробудилъ въ обществѣ всеобщее живое стремленіе къ нравственному и умственному усовершенію и тѣмъ самымъ сдѣлалъ необходимѣе нравственныя мѣры противъ всего, что остается еще отъ старыхъ грѣховъ

минувшаго и что уже несомнѣнно съ значеніемъ великаго прославленнаго народа. Писатели съ новымъ жаромъ и одушевленіемъ начали выставлять на всеобщее зрѣлище, для осмѣянія и кары, все не нравственное, нелѣпое, грубое въ нравахъ и образѣ мыслей, тѣхъ особенно классовъ общества, куда еще не вполне проникъ свѣтъ истиннаго образованія. Явилось Горе отъ ума, Ревизоръ—Гоголя, Мертвые души—его же, множество повѣстей и романовъ Сенковскаго, Бѣгичева, Загоскина, Даля, и проч., которые всѣ, съ большею или меньшею силою, съ большимъ или меньшимъ талантомъ, устремились къ одной цѣли изображать въ разныхъ сословіяхъ то, что несомнѣнно съ ихъ назначеніемъ. Цензурный Комитетъ не имѣя ни силъ, ни права, остановить таковое всеобщее направленіе литературы, ни особенныхъ указаній со стороны высшаго правительства, которые бы требовали подобной мѣры, полагалъ и въ настоящемъ случаѣ относительно вышесказанныхъ сочиненій Гоголя, руководствоваться тѣмъ же § 14-мъ устава о цензурѣ, которымъ онъ руководствовался до нынѣ и въ коемъ изображено: „охраняя личную честь каждаго отъ оскорбленій и подробности домашней жизни отъ нескромнаго и предосудительнаго обнародованія, цензура не препятствуетъ однако же печатанію сочиненій, въ коихъ подъ общими чертами осмѣиваются пороки и слабости, свойственные людямъ въ разныхъ возрастахъ, званіяхъ и обстоятельствахъ жизни“.

Комитетъ находилъ, что въ сочиненіяхъ Гоголя и приведенныхъ изъ нихъ мѣстахъ, ни на чье лицо не указывается, что пороки имъ выставляемые относятся къ людямъ вообще въ разныхъ званіяхъ и обстоятельствахъ жизни, и потому, примѣняя вышеизложенный законъ къ симъ сочиненіямъ полагалъ себя не въ правѣ препятствовать ихъ печатанію.

2) Обнимаемая помнутае общее сатирическое и юмористическое направленіе нашей литературы комитетъ естественно долженъ прийти къ новому соображенію: охраняя личную честь каждаго, онъ тѣмъ болѣе долженъ заботиться объ охраненіи чести цѣлыхъ сословій. Къ сожалѣнію комитетъ не имѣлъ въ виду по сему предмету никакого положительнаго правила: что именно, какой способъ выраженія, или картины какихъ недостатковъ, пороковъ и злоупотребленій, должно считать оскорбляющими такое или другое сословіе? Между тѣмъ каждая статья въ журналахъ, каждая повѣсть и романъ, поступившіе въ цензуру, наполнены дѣйствующими лицами, часто съ невыгодной стороны выставленными и въ то же время непремѣнно относящимися къ какому либо сословію. По самому свойству сего рода литературныхъ произведеній, умѣряя по возможности выраженія, комитетъ находился тѣмъ не менѣе въ величайшемъ затрудненіи: ему пришлось бы запрещать почти каждую изъ разсматриваемыхъ имъ сочиненій; а съ другой стороны онъ видѣлъ, какъ явствуетъ изъ перваго пункта сего донесенія, сколь много уже въ разные времена допущено въ русской литературѣ сочиненій, гдѣ лица разныхъ сословій выведены иногда въ самыхъ рѣзко-неблаговидныхъ чертахъ, и чего по видимому правительство не относило къ оскорбленію сословій, ибо не препятствовало ихъ распространенію. По сему комитетъ руководствуясь какъ близкими къ намъ примѣрами, такъ и историческимъ ходомъ почти всей нашей литературы, а съ другой стороны не имѣя никакого на сей предметъ опредѣленнаго указанія, полагаемъ, что вышеприведенныя мѣста изъ сочиненій Гоголя, должно считать и по сему уваженію позволительными.

На основаніи этого дозволенія, книги была напечатаны. Но неожиданный арестъ профессоръ Никитенко и Куторги едва не повлекъ за собою запрещенія уже напечатанныхъ сочиненій Гоголя. Въ представленіи предсѣдательствующаго въ Цензурномъ Комитетѣ, князя Григорія Петровича Волконскаго, говорится: „Сображая мѣста, пропущенныя у Гоголя, съ тѣми, по случаю коихъ цензора Никитинко и Куторга подверглись отвѣтственности, комитетъ не осмѣливается дозволить выпуска книгъ, въ коихъ они существуютъ“. Съ своей стороны князь Волконскій заявляетъ, что необходимо дать цензорамъ „какое-нибудь опредѣленное наставленіе о томъ, въ какомъ духѣ они должны дѣйствовать. Въ противномъ случаѣ, они будутъ находиться всегда въ величайшемъ затрудненіи и въ опасности навлечь на себя тяжкую отвѣтственность, которая, сокрушая духъ ихъ, лишитъ ихъ той моральной силы, которая въ столь многосложномъ и разнообразномъ дѣлѣ, какъ наблюденіе за мыслию человѣческой, необходима. Цензура должна стараться не стѣснять вообще развитія отечественной литературы: этого требуетъ величайшая изъ государственныхъ нуждъ—развитіе нашей народности. Ибо, во первыхъ, съ успѣхами литературы сопряжены успѣхи языка, который долженъ, согласно высочайшей волѣ и величію имперіи, сдѣлаться господствующимъ въ ней повсюду, а этого онъ иначе достигнуть не можетъ, какъ укореняясь въ умахъ своими красотами и богатствами. Во вторыхъ, при той легкости, съ какою распространено у насъ изученіе иностранныхъ языковъ, а слѣдовательно и возможность читать все, что выходитъ въ иностранныхъ литературахъ, единственное средство ослабить вліяніе сихъ послѣднихъ на умы и духъ общества есть наибольшее развитіе литературы отечественной, охраняемой, и въ тоже время руководимой, просвѣщенною волею правительства“.

Не только сочиненія Гоголя, но и отзывы о нихъ, возбуждали иногда преслѣдованія и влекли за собою разнаго рода кары. Статья о Гоголѣ, написанная Тургеневымъ подъ свѣжимъ вліяніемъ, произведеннымъ кончиною знаменитаго писателя, запрещена потому, что Тургеневъ „отзывался о Гоголѣ въ выраженіяхъ чрезмѣру пышныхъ“. Статья подъ названіемъ: „Нѣсколько словъ о Гоголѣ“, помѣщенная въ „Московскомъ Сборникѣ“ признана опасною и неблагонамѣренною на томъ основаніи, что „безотчетнымъ расточеніемъ выходящихъ изъ всякой мѣры похвалъ Гоголю, она накидываетъ тѣнь подозрѣнія на его намѣренія и дѣйствія. Статья эта во многихъ мѣстахъ неясная и загадочная, заключаетъ въ себѣ отрывистые намеки и мысли недоконченныя, которые могутъ подать поводъ читателямъ къ неблагопріятнымъ и даже предосудительнымъ выводамъ“. Въ статьѣ говорится, напримѣръ: „Много еще пройдетъ времени, пока уразумѣется вполне все глубокое и строгое значеніе Гоголя, этого мученика возвышенной мысли и неразрѣшимой задачи“ и т. д. Корень зла ужас-

ной статьи заключается въ томъ, что въ ней „вовсе не объяснено, почему такъ много требуется времени, чтобъ уразумѣть вполнѣ значеніе Гоголя? Почему преимущественно Гоголю приписывается глубокое и строгое значеніе? Подобныя неопредѣлительныя выраженія невольно приводятъ къ предположенію, что онъ имѣлъ какую-либо особую, скрытую цѣль, извѣстную только не многимъ, и такое предположеніе тѣмъ покажется правдоподобнѣе, что сочинитель статьи называетъ Гоголя мученикомъ возвышенной мысли и неразрѣшимой задачи... Недомолвки и несообразности, при восторженномъ тонѣ и мистическомъ смыслѣ цѣлой статьи о Гоголѣ, не могутъ не вводить въ заблужденіе читателей, изъ которыхъ многіе конечно подумаютъ, что онъ былъ коноводомъ какой нибудь партіи, которая, не довольствуясь настоящимъ благоденствіемъ Россіи, возмечтала дать нашему отечеству новое политическое бытіе и направленіе“ и т. д.

Въ пятидесятыхъ годахъ представлена была въ цензуру рукопись подъ заглавіемъ: Учебная книга словесности для русскаго юношества, начертаніе Н. Гоголя. Сомнительными въ ней признаны шесть строкъ и сверхъ того два слова. При разсмотрѣніи въ высшей инстанціи, шесть строкъ дозволены къ печати, а два слова запрещены. Дозволенные строки: „Въ трудахъ нашихъ ученыхъ также раздаются неперевавшіяся европейскія мнѣнія, и такими же торчатъ яркими заплатами ихъ собственныя мысли, какъ все это раздается въ нашихъ гостинныхъ, спорахъ и разговорахъ. Всего нанесено, и все не перевавилось“. Запрещенныя два слова, находившіяся въ рукописи между заглавіями разныхъ стихотвореній: „Острогоскъ, Рылѣва“.

По смерти Гоголя предпринято было профессоромъ Шевыревымъ новое изданіе сочиненій покойнаго писателя, въ которое должны были войти какъ четыре тома, изданные въ 1848 году, такъ и оставшіяся по смерти автора въ рукописи: пять главъ второго тома „Мертвыхъ душъ“ и „Авторская исповѣдь“. Весьма любопытно мнѣніе, изложенное по этому поводу Леонтіемъ Васильевичемъ Дубельтомъ. Становясь рѣшительно на сторону Гоголя и защищая его произведенія отъ несправедливыхъ нареканій, Л. В. Дубельтъ отзывается несочувственно и даже иронически объ излишней придирчивости со стороны цензуры. Мнѣніе Л. В. Дубельта заключается въ слѣдующемъ:

„Гоголь, какъ сатирическій писатель, въ сочиненіяхъ своихъ выводитъ такихъ людей, которые смѣшны и забавны. Какъ забавное и смѣшное особенно находится въ низшихъ классахъ народа, въ людяхъ, подверженныхъ слабостямъ и порокамъ, то и онъ представляетъ сцены не всегда строго-нравственныя, и людей, которые выражаются не совсѣмъ пристойно, судятъ ошибочно или не выгодно о помѣщикахъ, о дворянствѣ, о военныхъ и гражданскихъ чиновникахъ. Но общее направленіе у него всегда нравственное; неприличное и дурное изображено такъ, что невольно чувствуется отвращеніе, или возбуж

даетъ одинъ невинный смѣхъ, а доброе и истинное надъ всѣмъ господствуетъ. Нѣкоторые мѣста въ его сочиненіяхъ дѣйствительно кажутся рѣзкими и какъ бы сомнительными, но только въ такомъ случаѣ, если оторвать ихъ отъ цѣлаго разсказа, не обращая вниманія, гдѣ и по какому случаю что сказано. Эти то мѣста всѣ, безъ малѣйшаго исключенія, отмѣчены цензорами. Вотъ для при- мѣра, нѣкоторыя изъ нихъ:

Дьячекъ, рассказывая о дѣйствіяхъ лукаваго, прибавилъ: „чтобъ ему со- бачьему сыну приснился крестъ святой!“ (сочиненія т. I, часть I, стр. 77).

Въ разсказѣ того же дьячка находится: чортъ съ тобой! „давай кре- ститься!“ (тамъ же стр. 97).

Казакъ Данило говоритъ про другого, трезваго казака: „Горѣлки даже не пьютъ! экая пропасть! мнѣ „кажется что онъ и въ Господа Христа не вѣруетъ!“ (тамъ же т. I, ч. 2, стр. 116).

„Кто, я, сказалъ бурсакъ, я святой жизни?... Богъ съ вами, панъ! что вы, это говорите! да я, хоть оно непристойно сказать, ходилъ къ булочницѣ про- тивъ самаго страстнаго четверга! (тамъ же т. 2, стр. 344).

Киевскій семинаристъ философъ говоритъ: Эхъ жаль, „что во храмъ Бо- жіемъ не можно люльки выкурить!“ (тамъ же, стр. 360).

Въ комедіи „Игроки“, сваха Фекла говоритъ: „Да, на Руси есть такія прозвища, что только плюнешь, да перекрестись!“ (тамъ же, т. 4, стр. 253).

Та же Фекла, доказывая преимущество русскаго языка передъ иностран- ными, прибавила: „Ужъ тутъ нечего толковать про русскую рѣчь, известно кака: всѣ святые говорили по русски.“ (тамъ же, стр. 299).

При видѣ князя Потемкина—, это царь? спросилъ кузнецъ Вакула одного изъ запорожцевъ. „Куда тебѣ царь! это самъ Потемкинъ“, отвѣчалъ тотъ, (тамъ же, т. I, ч. 2, стр. 74).

„Какъ обыкновенно бываетъ въ южныхъ городахъ нашихъ, садки для лучшаго вида, городничій давно приказалъ вырубить“. (тамъ же, т. 3, стр. 316).

Помѣщикъ Пѣтухъ, съ своими крестьянами, бродилъ въ озерѣ рыбу. Увидя проѣзжающаго Чичикова, онъ вышелъ на берегъ голый и просилъ путешественника къ себѣ обѣдать, „держа одну руку надъ глазами козырь- комъ въ защиту отъ солнца, другую же пониже, на манеръ Венеры Медицейской“... За обѣдомъ, безпрестанно потчуя Чичикова, и услышавъ возраженіе, что у него мѣста не осталось въ желудкѣ для новаго куска Пѣтухъ сказалъ: „Да вѣдь и въ церкви не было мѣста. Взшелъ город- ничій, нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ тотъ же городничій“ (рукопись Мерт- выя души, гл. 3, стр. 8 и 28).

Если бы проѣзжалъ сорочинскій засѣдатель.... съ дьявольски-сплетенной плетью, которою имѣетъ онъ обыкновеніе подгонять сво- его ямщика“. (сочиненія т. I, ч. 2, стр. 4).

Казакъ Вакула три раза ударилъ чорта хворостиной и „бѣдный чортъ припустилъ бѣжать, какъ мужикъ, котораго только что вышарилъ засѣдатель (тамъ же стр. 86).

Пискаревъ, пріѣхалъ на балъ въ Петербургъ, въ тѣснотѣ „не смѣлъ попятиться назадъ, опасаясь толкнуть какимъ нибудь образомъ какого нибудь тайнаго совѣтника“ (тамъ же, стр. 39).

Въ „Запискахъ сумашедшаго“ въ одномъ мѣстѣ отмѣчено: „Вѣдь черезъ то, что камеръ юнкеръ, не прибавится третій глазъ на блу.“ (тамъ же, стр. 365).

Въ тѣхъ же запискахъ сказано: „Я не понимаю выгодъ служить въ департаментѣ: нивакихъ совершенно ресурсовъ. Вотъ въ губернскомъ правленіи гражданскихъ и казенныхъ палатахъ совѣмъ другое дѣло: тамъ, смотришь, иной прижался въ самомъ уголку и пописываетъ. Фрачишка на немъ гадкій, рожа такая, что плюнуть хочется, а посмотри ты какую онъ дачу занимаетъ! Фарфоровой вызолоченной чашки и не носи къ нему: это говоритъ, докторскій подарокъ, а ему давай пару рыжиковъ или дрожжи, или бобра рублей въ триста. Съ виду такой тихонькій, говоритъ такъ деликатно: одолжите ножичька починить перышко, а тамъ обчиститъ такъ, что только одну рубашку оставить на просителѣ.“ (тамъ же, стр. 343).

„П*** пѣхотный полкъ былъ совѣмъ не такого сорта, къ какому принадлежатъ многіе пѣхотные полки... онъ былъ на такой ногѣ, что не уступалъ ниимъ и кавалерійскимъ. Большая часть офицеровъ пили выморозки и умѣли таскать жидовъ за пейсики не хуже гусаровъ... Чтобы еще болѣе показать образованность П*** пѣхотнаго полка, мы прибавимъ, что двое изъ офицеровъ были страшные игроки въ банкъ, и проигрывали мундиръ, фуражку, шинель, темлякъ и даже исподнее платье, чего не вездѣ и между кавалеристами можно сыскать“ (тамъ же, т. I, ч. 2, стр. 194 и 195)“.

„Не было никого исправнѣ Ивана Федоровича въ (томъ же) полку... За то, въ скоромъ времени, спустя одинадцать лѣтъ послѣ получения прапорщичьяго чина, произведенъ онъ былъ въ поручики“ (тамъ же, стр. 196).

„Ужъ такъ Провидѣніе устроило, что гдѣ офицеры, тамъ и трубки“ (тамъ же, т. 3, стр. 72).

Здѣсь выписаны наиболѣе рѣзкія мѣста; цензоры же отмѣтили множество мѣстъ, которыя, даже взятыя отдѣльно, не представляютъ ничего сомнительнаго. Всякое упоминаніе о Богѣ, о святомъ, о небесномъ и тому подобное, останавливало ихъ, коль скоро эти упоминанія соединяются съ тѣмъ-либо житейскимъ!

Сверхъ того, цензоры обращаютъ особенное вниманіе въ „Мертвыхъ душахъ“ на полковника Кошкарева, который въ помѣсть своемъ учредилъ разныя комиссіи и завелъ огромное письменное дѣлопроизводство по сельскому управленію (глава 3, стр. 69 и 87); и на доносы губернскихъ чиновниковъ другъ на друга, затѣянные съ цѣлью освободить отъ отвѣтственности Чичикова, также на положеніе мѣстнаго генераль-губернатора, который не видѣлъ средствъ унять чиновниковъ и собирался ѣхать въ С.-Петербургъ жаловаться на нихъ Государю (глава 5, стр. 116—123, 148—158). Но поступки Кошкарева представлены какъ дѣйствія сумасброднаго помѣщика, и примѣнять ихъ къ государственному управленію было бы слишкомъ насильственнымъ примѣненіемъ; а при описаніи чиновничьихъ интригъ въ губерніи, выставлена въ яркомъ и прекрасномъ видѣ заботливость генераль-губернатора о прекращеніи зла, и его твердая справедливость.

Ежели вышеприведенныя изъ сочиненій Гоголя и имъ подобныя мѣста, въ сущности безвредныя, запрещать, то цензура впадетъ въ тѣ же ошибки,

въ которыя ввали цензоры, помнится, лѣтъ 20-ть тому назадъ, судившіе, какъ ниже слѣдуетъ:

Въ сочиненіяхъ было сказано:

Улыбку устъ твоихъ небесную до-
вить.

Ты поняла, чего душа моя желала.

Одинъ твой нѣжный взглядъ, доро-
же мнѣ вниманья всей вселенной.

О! какъ бы я желалъ, въ тиши и
близь тебя, къ блаженству приучиться.

Цензоръ:

Женщина недостойна того, чтобъ ея
улыбку называть небесною.

Запретить, ибо дѣло идетъ о душѣ.

Запретить, ибо во вселенной есть
вышія власти, которыя должны намъ
быть дороже взгляда женщины.

Запретить, ибо къ блаженству долж-
но приучаться не близъ женщины, а
близъ Евангелія.

По уваженію же того, что сочиненія Гоголя въ общемъ направленіи
вполнѣ благонамѣренны; что исключеніе изъ новаго изданія нѣкоторыхъ
мѣстъ, помѣщенныхъ въ прежнемъ, заставитъ почитателей автора прини-
жать выпущенныя мѣста по первому изданію, а это придастъ видъ преступ-
наго и тому, въ чемъ не было и нѣтъ ничего преступнаго; что съ тѣмъ вмѣстѣ
упадетъ достоинство новаго изданія и наследники Гоголя не получатъ
тѣхъ выгодъ, которыя приобрѣтены для нихъ литературными заслугами умер-
шаго ихъ родственника,—я полагаю справедливымъ, на основаніи вышеизло-
женнаго Высочайшаго повелѣнія 14-го августа 1851 года, исходатайствовать
разрѣшеніе на напечатаніе какъ прежде изданныхъ четырехъ томовъ сочи-
неній Гоголя, такъ и представленныхъ въ рукописи посмертныхъ его тру-
довъ, безъ всякихъ исключеній и измѣненій».

Но и такой сильный авторитетъ въ вопросѣ о благонамѣренно-
сти, какъ Л. В. Дубельтъ, не могъ поколебать того взгляда на со-
чиненія Гоголя, который сложился въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего
общества. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія
приписка князя П. А. Вяземскаго къ статьѣ о „Ревизорѣ“ Гоголя. „При
появленіи „Ревизора“ было—говоритъ кн. Вяземскій—много толковъ и
сужденій въ обществѣ и въ журналахъ. Кромѣ литературнаго до-
стоинства ея, входила въ разнорѣчивыя соображенія о ней и задняя,
затаенная мысль. Комедія была признана многими либеральнымъ за-
явленіемъ, въ родѣ, на примѣръ, комедіи Бомарше: „Севильскій
цирюльникъ“; признана за какой-то политическій брандскугель, бро-
шенный въ общество подъ видомъ комедіи. Это впечатлѣніе, это
предубѣжденіе, разумѣется, должно было раздѣлить публику на двѣ
противоположныя стороны, на два лагеря. Одни привѣтствовали ее,
радовались ей какъ смѣлому, хотя и прикрытому, нападенію на пре-
державшія власти. По ихъ мнѣнію, Гоголь, выбравъ полемъ битвы
своей уѣздный городокъ, мѣтилъ выше. Другіе смотрѣли на комедію
какъ на государственное покушеніе, были имъ взволнованы, напу-
ганы, и въ несчастномъ, или счастливомъ, комикѣ видѣли едва ли не
опаснаго бунтовщика.

Появленіе комедій Гоголя считали у насъ зловѣщимъ признакомъ,
и находили въ нихъ большое сходство съ комедіями Бомарше

1732—1799), а Бомарше французскіе писатели называютъ преемникомъ Вольтера и предтечею Мирабо. Комедія Бомарше: „Свадьба Фигаро“ (Le Mariage de Figaro представленная въ первый разъ въ 1784 году) произвела потрясающее впечатлѣніе въ правительственныхъ сферахъ Франціи. Прежде, чѣмъ поставить на сцену комедію, ее читали въ кабинетѣ короля; когда дошли до монолога Фигаро, въ пятомъ дѣйствіи, Людовикъ XVI остановилъ чтеніе, воскликнувъ, что прежде надо разрушить Бастилью, а потомъ уже дозволить представленіе этой пьесы, подрывающей всѣ основы правительства. Чтобы судить о томъ, какую горькую правду услышалъ король изъ устъ Фигаро, довольно вспомнить слова Фигаро о свободѣ печати при тогдашнихъ общественныхъ порядкахъ. „У насъ—говоритъ Фигаро—можно смѣло писать обо всемъ, о чемъ угодно, за исключеніемъ только политики, администраціи, религіи, нравственности, всякаго рода должностей и учреждений, оперы и театровъ, лицъ мало-мальски значительныхъ, и т. п.“ Съ такою же ироніею и откровенностью выражается Фигаро и о другихъ отрасляхъ тогдашняго управленія страной. Рѣзкія выходы Бомарше относятся прямо къ господствовавшей тогда правительственной системѣ и къ ея самымъ высокимъ представителямъ.

Въ комедіяхъ же Гоголя есть самыя опредѣленныя указанія, что сатира его устремлена не на правительство, которое онъ понимаетъ идеально, отождествляя его съ закономъ, а на тѣ орудія правительственной власти, которыя дѣйствуютъ несогласно съ волею правительства, т. е. съ требованіями закона. „Для народа — говоритъ Гоголь — нужны такія представленія. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства. Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что рано или поздно настигнетъ оно измѣнившихъ закону, чести и святому долгу человѣка. Воображаютъ, что народъ только здѣсь, въ первый разъ, въ театрѣ, увидитъ своихъ начальниковъ. Право, народъ нашъ считаютъ глуше бревна, глупымъ до такой степени, что будто уже онъ не въ силахъ отличить, который пирогъ съ кашей и который съ мясомъ“.

Быть можетъ, не всѣ рѣчи и возгласы о правительствѣ, вложенныя Гоголемъ въ уста дѣйствующихъ лицъ, отличаются одинаковою искренностью; быть можетъ, инныя похвалы явились съ тою же цѣлью, съ какою, напримѣръ, Новиковъ посвятилъ свой обличительный журналъ автору комедіи: „О время!“ Но какъ бы то ни было, нельзя не согласиться, что между „добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ“ Гоголя и злою насмѣшкою Бомарше—чрезвычайно большое различіе. Одни и тѣже лица дѣйствуютъ у нихъ не по однимъ и тѣмъ же побужденіямъ. У Бомарше, напримѣръ, почтмейстеры служатъ орудіемъ господствующей системы шпіонства, и вскрывая тайну писемъ, дѣйствуютъ совершенно въ духъ правительства. Фигаро говоритъ: *Répendre des espions et pensionner des traitres; amollir des cachets; intercepter des*

lettres... voilà toute la politique! Гоголевскій почтмейстеръ распечатываетъ письма „не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства“, чтобы наслаждаться прекрасными описаніями, какъ „жизнь течетъ въ эмпиреяхъ: барышень много, музыка играетъ, штандартъ сѣачетъ“ и т. д.

Жгучія выходки Бомарше, его ѣдкія остроты напоминаютъ отчасти нѣкоторыя изъ стиховъ Грибоѣдова, а также и нѣкоторыя изъ остротъ фонъ-Визина. Слова Фигаро: „Médiocre et rempant, et l'on arrive à tout“ идутъ въ сравненіе съ словами: „умѣренность и аккуратность“, съ правиломъ угождать всѣмъ и каждому, отъ начальника до дворника и до его собаки, и т. п. Вопросъ горничной у Бомарше: „Est-ce que les femmes de mon état ont des vapeurs, donc?“ равносилентъ восклицанію Простаковой о своей заболѣвшей служанкѣ: „бредитъ бестія, какъ будто благородная“, и т. д.

Между тѣмъ, какъ въ литературномъ мірѣ сравнивали комедіи Гоголя съ произведениями его предшественниковъ: съ „Недорослемъ“ фонъ-Визина, съ „Ябедою“ Капниста, съ „Горемъ отъ ума“ Грибоѣдова, въ обществѣ взглянули на нихъ съ другой точки зрѣнія, именно съ политической. Говоря о подобныхъ взглядахъ, князь Вяземскій, по всей вѣроятности, имѣлъ въ виду памятное ему письмо одного изъ самыхъ видныхъ представителей высшаго общества и высшей администраціи того времени. Обращаясь къ министру народнаго просвѣщенія, авторъ письма говоритъ между прочимъ: „Въ глубинѣ моего убѣжденія я полагаю, что комедія „Ревизоръ“, по своему началу, содержанію и духу, есть копія au petit pied „Свадьбы Фигаро“ Бомарше. Не знаю, сдѣлала ли она какое нибудь полезное вліяніе, исправила ли она хотя одного взяточника или обманщика. Но я увѣренъ, что если „Ревизоръ“ и сотни ея послѣдователей не произвели еще, благодаря Богу, такихъ печальныхъ послѣдствій для Россіи, какъ твореніе Бомарше для Франціи, то уже, въ переводѣ, навлекли на Россію много нареканій и лживыхъ сужденій заграницей“.

Министръ народнаго просвѣщенія, А. С. Норовъ, отвѣчалъ, что „нельзя отнять у сатириковъ и юмористовъ права обличать пороки и недостатки общества, укрывающіеся отъ преслѣдованія закона“, и что направленіе Гоголя признано благонамѣреннымъ и нравственнымъ вслѣдствіе чего и оказано „снисхожденіе ко встрѣчающимся въ нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ слишкомъ, можетъ быть, рѣзкимъ сужденіямъ и описаніямъ, и не совсѣмъ эстетическимъ картинамъ и выраженіямъ“.

М. Сухомлиновъ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ и АПРѢЛЬ).

	СТР.
Несчастный. Неизданная повѣсть. Т. Г. Шевченки	1
Черниговка. Быль второй половины XVII вѣка. Н. И. Костомарова	46, 269, 524
Морская экспедиція повстанцевъ въ 1861 г. Н. В. Верга	75
Августъ Людвигъ Шлецеръ. К. Н. Вестужева-Рюмина	117
Встрѣча съ Н. В. Гоголемъ (отрывокъ изъ воспоминаній). А. П. Милюкова	135
Императоръ Францъ-Иосифъ безъ этикета. Н. С. Лѣскова	139
Воспоминанія объ А. П. Ермоловѣ. А. В. Фигнера	147
Султанское письмо (изъ дѣлъ тайной канцеляріи). Г. В. Есипова	164
Тенденціозный взглядъ на преподаваніе исторіи. Ө. И. Вулгакова	168
Современная исторіографія. Иф...ла	177, 657
Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія. И. Е. Забѣлина	233, 489, 735
Изъ литературы сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Появленіе въ печати сочиненій Гоголя. М. И. Сухомлинова	330
Дворянскій бунтъ въ Добрыньскомъ приходѣ. Н. С. Лѣскова	357
Яковъ Петровичъ Бутковъ. Отрывокъ изъ воспоминаній. А. П. Милюкова	391
Мой арестъ и освобожденіе въ 1839 г. Отрывокъ изъ воспоминаній генераль-лейтенанта В. Д. Крѣзне	401

	стр.
Набатный колоколь. Г. В. Есипова	418
Нѣмецкая партія въ русской академіи. Ө. И. Вулгакова	421
Клерикальная нѣмецкая историографія (Janssen. Geschichte des deutschen Volks seit dem Ausgang des Mittelalters. Bd. I—II. 1880). Н. И. Смирнова	432
Къ портрету Ө. М. Достоевскаго	473
Старинныя дѣла объ оскорбленіи величества. Очерки изъ нравовъ XVIII вѣка. 1701—1797 гг. А. В. Арсеньева	580, 822
Воспоминанія о Ө. М. Достоевскомъ. Вс. С. Соловьева	602, 839
Вой съ текинцами при Денгиль-Тепе 28 августа 1879 года. (Разсказъ очевидца). Г. З. Демурова	617
Потомокъ нормандскихъ рыцарей на Камѣ. (Изъ преданій прошлаго вѣка). П. А. Пономарева	623
Томасъ Карлейль. Ө. И. Вулгакова	631
Народные обычаи Абруццъ. И. В. Цвѣтаева	637
Школьные годы. (Отрывки изъ воспоминаній). В. Г. Авсеенко	707
Повстанская экспедиція Сигизмунда Милковскаго въ 1863 году. Н. В. Верга	783
Ужасная логика (1 марта 1881 г.). Ор. Ө. Миллера	854
Общественное броженіе и русская школа. Ө. И. Вулгакова	858
Черты изъ жизни императора Александра II: 1) Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Калугѣ въ 1837 году (письмо очевидца);—2) Императоръ Александръ II и графъ А. Замойскій; — 3) Посѣщеніе императоромъ Александромъ II въ 1871 г. Житнаго рыболовнаго промысла (разсказъ очевидца);—4) Императоръ Александръ II на боевомъ полѣ	866
Цареубійство 1-го марта. Съ четырьмя планами и рисункомъ разрывнаго снаряда	893
Заграничная печать о цареубійствѣ 1-го марта	910
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ	196, 451, 674, 922

Воцареніе императрицы Анны Ивановны. Историческій этюдъ Д. Корсакова. Казань. 1880. **Е. А. Бѣлова**.—Исторія славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе 2-е, вновь переработанное и дополненное. Два тома. Спб. 1879—1881 гг. **Ор. Миллера**. — Исторія русской словесности, древней и новой. Соч. А. Галахова. Изданіе 2-е съ переѣмами. Два тома въ трехъ книгахъ. Спб. 1880. **А. С—снаго**.—Сборникъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ I. М. 1880. **Н. И. Костомарова**. — Жизнь Державина, соч. Я. Грота. (Т. VIII академическаго изданія сочиненій Державина). Спб. 1880. **Ор. Миллера**.—Феофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. Очеркъ изъ исторіи русской литературы въ эпоху преобразованія. Петра Морозова. Спб. 1880. **А. С—снаго**. — Сборникъ матерьяловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Т. III. Рига. 1880. **Р. п—ва**.—Ежегодникъ Вла-

димірскаго статистическаго комитета. Т. III. Владимірь. 1881. **Ф. Б.** — *Kniazowie i szlachta między Ianem, Wieprzem, Bugiem, Prupetia, Dnieprem, Siniucha, Dniestrem, i północnemi stokami Karpat osiedleni. Opowiadania historyczne, heraldiczno-genealogiczne i obyczajowe. W. Rulikowskiego i Z. L. Radziminskiego. Krakow. 1880. И. Л.* — *Драматическій словарь. Точное воспроизведеніе изданія 1787 года. Спб. 1881 г. Л. Ст.* — Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Томы IV и V. Спб. 1881. **А. М.** — *Эллада и Римъ; культурная исторія классической древности, Якова Фальке. Двѣнадцать выпусковъ. Спб. 1881 г. Д. Лебедева.* — Четыре очерка И. А. Гончарова. Спб. 1881 г. **А. С—скаго.** — Сборникъ Археологическаго Института. Книга четвертая. Спб. 1880 г. **И. Ш.** — *Древности Суздальско-Владимірской области. Вып. I. Владимірь, 1880 г. Ф. Б.* — Цицеронъ и его друзья. Очеркъ римскаго общества во времена Цезаря. Соч. Гастона Буассе; перев. со 2 изд. Маріи Корсакъ. М. 1880. **Д. Лебедева.** — *Исторія русской церкви. Е. Голубинскаго экстра-ординарнаго профес. московской духовной академіи. Т. I. Періодъ первый, кievскій или домонгольскій. Вторая половина тома. М. 1881. А. С—скаго.* — Столѣтіе Вятской губерніи. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи Вятскаго края. Вятка. 1880. **А. С—на.**

ИЗЪ ПРОШЛАГО 216, 463, 687, 930

Первые просители въ царствованіе императора Павла I. Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.** — Архитекторское придворное меню въ XVIII столѣтія. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ.** — Три записочки къ князю Потемкину отъ неизвѣстныхъ дамъ. Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.** — Шуточные стихотворенія императрицы Екатерины II. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ.** — Двѣ собственноручныя записки императора Александра I къ Троицкому. Сообщ. **П. Я. Дашковымъ.** — Привидѣніе въ Преображенскомъ дворцѣ. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ.** — Собственноручныя записочки императрицы Екатерины II къ с.-петербургскому оберъ-полиціймейстеру Н. И. Рылѣву. Сообщ. **Имъ-же.** — Анекдотъ объ императрицѣ Екатерицѣ II. Сообщ. **П. Я. Дашковымъ.** — Рескриптъ императора Александра I рязанскому губернатору Шишкову. Сообщ. **П. И. Костылевымъ.** — Лодка. (Простонародная святочная игра). Сообщ. **В. О. Михневичемъ.** — Загадочная монахиня. Сообщ. **И. И. Дубасовымъ.** — Записка императрицы Екатерины II о докторѣ Санхецѣ. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ.** — Письма графини П. А. Брюсъ къ брату ея графу П. А. Румянцеву-Задунайскому. Сообщ. **Имъ-же.** — Симонія въ украинскомъ духовествѣ первой четверти XVIII вѣка. Сообщ. **И. Д. Павловскимъ.** — Указъ синода о непродажѣ въ монастыряхъ и церквахъ чудотворнаго меда и масла и о присылкѣ веригъ. Сообщ. **А. П. Коломинимъ.** — Образецъ помѣщичьяго краснорѣчія. Сообщ. **Н. А. Казанскимъ.** — Необыкновенная денежная награда въ XVII ст. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ.** — Письмо графа П. И. Шувалова къ графу Лестоку. Сообщ. **П. Я. Дашковымъ.** — Затрудненія при поминовеніи Петра III. Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.** — Къ исторіи дѣтства императора Павла I. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ.**

СМѢСЬ 224, 468, 699, 937

Историческій очеркъ русскаго законодательства о печати. — Забытыя книгохранилища. — Географическая экспедиція на Алтай. — Древняя Владимірская икона Божіей Матери въ приходской церкви. — Вселенское время. — Экспедиція Н. М. Пржевальскаго. — Л. А. Сѣряковъ. — Скорбныя страницы. — Къ вопросу о правѣ убѣжища. — М. А. Колосовъ. — Заграничныя изданія сочиненій Г. П. Данилевскаго. — Общество Нестора лѣтописца въ 1880 г.—О статуѣ Афины Фидія.—Декабристь Е. П. Соловьевъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 230, 944

Драматическій вечеръ въ честь И. О. Горбунова. Псевдо-Пушкинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Графиня Шатобріанъ. Историческій романъ Г. Лаубе. Части: I, II, III и начало IV.—2) Портреты: К. Н. Бестужева-Рюмина, И. Е. Забѣлина, О. М. Достоевскаго и императора Александра II.